

А. РАЙРО

РОКОТ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Художественное оформление *Алексея Гаретова*

В оформлении обложки использована фотография:
© Evgeniya Fedorova Dramas / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Райро, А.

Р18 Рокот / А. Райро. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-171875-6

Студент Стас Платов с детства смертельно боится воды — в ней он слышит зов.

Он не помнит, как появилась эта фобия, но однажды ему выпадает шанс избавиться от своей особенности.

Нужно лишь прослушать аудиозапись на старом магнитофоне.

Этот магнитофон Стасу принесла девушка по имени Полина: немая и... мертвая.

Полина бесследно пропала тридцать лет назад, но сейчас она хочет отыскать своего убийцу.

Жизнь Стаса висит на волоске. И не только его — жизни всех, кто причастен к исчезновению немой девушки.

Ведь с каждым днем ее уникальный голос становится громче и страшнее...

Голос, который способен услышать только Стас.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171875-6

© Райро А., 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

Июль, 1989 год

Велосипеды они бросили на берегу, у самой воды.

— Пол, мы должны это сделать. Только не думай обо мне плохо.

Костя говорил медленно, растягивая губы и широко открывая рот, чтобы Полина наверняка его поняла.

С рождения ее окружала тишина, зато в свои четырнадцать Полина отлично умела читать по губам. Особенно по губам лучшего друга, Кости Демьянова.

Он не считал ее умственно отсталой, как многие. Намеренно не помогал себе жестами, да это было и не нужно. Полине казалось, что она с закрытыми глазами способна понять, что говорит и даже думает самый близкий ей человек.

Но сейчас, когда они, босоногие, стояли у озера, по щиколотку утопая в рыхлом песке берега, Полина уловила во взгляде друга вину.

Он поджимал губы и никак не мог расслабить плечи — покатые, слишком грузные для его небольшого роста.

— Пол, мы должны это сделать. Только не думай обо мне плохо, — зачем-то повторил Костя и взял Полину за руку.

Она чутко воспринимала прикосновения, распознавала малейшие перемены, и когда Костины пальцы обхватили ее ладонь, то поняла сразу: в нем что-то изменилось.

Его руки были влажными и холодными.

Сердце тут же кольнула тревога.

Что-то не так. Не так, как обычно.

Прежде чем пойти за другом, Полина бросила взгляд на озеро, на его пологие берега и заросли осины, на поле одуванчиков вдалеке и успокоилась. А вдруг Костя решил, что пришло время для поцелуя, вот и волнуется?..

Он крепко сжал ее руку и повел в рощу. Сделав несколько шагов, парень обернулся и что-то сказал, но впервые за всю их долгую дружбу Полина не поняла ни слова.

Она не поняла его, и от испуга ее бросило в жар.

Что еще хуже, в Костиных глазах она не смогла прочесть эмоции — лишь пустая, леденящая кровь бездна, — и это напугало Полину еще сильнее.

Повинуясь инстинкту, она притормозила, но Костя лишь настойчивее потянул ее за собой в темноту зарослей. Солнце осталось за кронами осин. Стволы деревьев скрыли озеро, запахло прелой, подгнившей листвой и сыростью.

Подошвами ног Полина ощутила колкие травинки пырея и сухие ветки, будто ступала по чьим-то могилам и иссушенным останкам.

Наконец Костя остановился и отпустил ее руку.

— Это здесь... подожди, — произнес он торопливо, после чего снова поджал губы.

И только сейчас Полина заметила, как сильно он вспотел: на его голубой застиранной рубашке в районе подмышек проступили пятна, волосы стали влажными и прилипли к вискам.

Полина огляделась.

На одной из осин она заметила три самодельные фигурки из веток, скрепленных бечевкой. Полина видела такие поделки — пирамидки и конусы — на рисунках в старом альбоме, который Костя в прошлом месяце стащил у бабушки и принес показать. Они назывались ловушками для сатаны.

Похожие фигурки болтались сейчас на нитках, привязанные к веткам, и покачивались на ветру, как жуткие елочные игрушки.

Костя проследил за ее взглядом.

— Они здесь уже были, когда я пришел. Их кто-то приносит сюда и развешивает. Иногда много, иногда всего одну... когда как... но они всегда тут есть, эти штуковины...

Полина нахмурилась. Тревога все нарастала.

Нет. Что-то не так.

Она вспомнила, как мать недавно рассказывала о том, что из морга Леногорской клинической больницы, в которой она работала старшей медсестрой, бесследно пропали тела двух женщин. И что на месте пропажи обнаружили две фигурки из веток.

Теперь Полина уже не сомневалась: это были точно такие же фигурки, как те, что висят сейчас на осине.

— Не бойся, — отмахнулся Костя. — Я такие побрякушки каждый день вижу у бабули в кладовке. Она не разрешает мне их трогать. Говорит, они очень ценные, но... э-э-э... но мы, вообще-то, не за ними сюда пришли. Лучше смотри сюда. Смотри, Пол.

Он наклонился и обхватил упавший осиновый ствол, оттолкнул его в сторону, убрал с земли наваленные ветки. Под ними скрывался настил, сколоченный из досок.

Грязной ладонью Костя стер пот со лба, оставив мазки на загорелой коже.

— Мы должны это сделать, — еще раз повторил он. — Только не думай обо мне плохо, ладно? Обещаешь?

И опять его губы напряглись и сжались.

Полина взглянула на эту тонкую полоску рта и не нашла в ней ничего знакомого. Будто Костя исчез и кто-то чужой появился в его теле.

— Пол, пообещай мне... пообещай не думать плохо, — продолжал напирать он. — Ты можешь отказаться прямо сейчас, пока еще не поздно, и мы все забудем. Просто сделаем вид, что сюда не ходили. Но если ты согласна, то пообещай, что не будешь думать обо мне плохо. Ты обещаешь?

Полина замерла.

Она посмотрела в лицо друга в новой попытке считать его эмоции и намерения, но увидела лишь прищуренные

карие глаза, напряженные скулы и складку между бровями — он ждал ответа.

Полина слотнула горькую слюну и кивнула.

Она пообещала бы ему все что угодно, потому что любила. Она никогда не думала о нем плохо. Нет, только не о нем.

Костя коротко улыбнулся.

Он взялся за край выступающей доски, приподнял тяжелый настил и оттащил его в сторону. Доски скрывали под собой яму глубиной не меньше трех метров. У самого края торчал конец пластмассовой сантехнической трубы, второй ее конец скрывался под листьями и ветками.

— Больше месяца копал, — признался Костя, — а землю уносил на берег.

Заметив ужас на лице подруги и немой вопрос «Зачем?», он снова заметно занервничал. Не зная, куда деть руки, он прижал их к животу, испачкав грязью рубашку.

— Пол, все будет хорошо... я просто хочу помочь тебе. Хочу помочь. Не думай обо мне плохо... пожалуйста... Пол. Не думай плохо...

Полина попятилась, предчувствуя дурное.

Костя в два шага оказался рядом и обхватил ее за плечи. Он что-то говорил, но она понимала лишь часть слов.

— Ты должна... туда, в яму... Пол... так нужно... ты должна...

Что?

Туда? В яму?..

От ужаса она хотела закричать — господи, как же хотела! — но лишь судорожно, до икоты, вдыхала воздух, наполняясь им и не в силах выдохнуть, рвалась из железной хватки Кости, упиралась босыми пятками в землю, отчаянно сопротивлялась, а он тащил ее к краю ямы.

Тащил и тащил.

«Не хочу! — беззвучно кричала Полина. Кричала где-то внутри себя. — Я не хочу! Оставь меня! Отпусти! Не хочу! Не хочу туда!»

Под ногами обвалилась земля, и Полина ухнула в яму.

Футболка задралась до самых лопаток, натянутая ткань больно врезалась в подмышки. Комья и торчащие корни оцарапали спину и бока. В штанины брюк, под футболку, в волосы — везде забились земля.

Полина пришла в себя через несколько секунд, уже на дне ловушки. Вскочила и посмотрела наверх, выискивая лицо Кости. Ей нужно было увидеть его, убедиться, что ее падение — всего лишь недоразумение, глупая шутка.

— Пол, так нужно, — прочитала она по тонким, измазаным в грязи губам друга. — Я узнал, что в состоянии сильного страха люди способны на невозможное. Я мечтаю услышать твой голос, а здесь ты научишься кричать. Ты же будешь кричать, Пол? Будешь кричать?

Да, она хотела кричать.

Хотела кричать даже больше, чем дышать, но она не могла, ведь причина ее немоты — не только отсутствие слуха, но и травма голосовых связок. Глухие умеют говорить, смеяться в полный голос, шептать, они могут и кричать, а она безмолвна. Безмолвна навсегда. И даже если Костя вдруг стал бы сдирать с нее кожу, она бы и тогда не издала ни звука.

Полина потянула к нему руки. Горло сжал спазм.

Она открыла рот в попытке хоть что-то произнести. Неподвижные голосовые связки, точно запертые ворота, не поддавались. По глазам Кости она поняла, что из ее рта рвется только тишина.

Полина в панике попыталась вскарабкаться по стене.

Бесполезно. Не достать, не выбраться.

Костя предусмотрел все до мелочей. Друг всегда поражал ее скрупулезностью и рьяной, до жути, целеустремленностью. Он целый месяц рыл яму, чтобы сбросить ее туда.

Рыл яму для нее!

Конечно же, он все рассчитал.

Сверху посыпалась земля — Костя кинул в Полину горсть, потом еще одну.

— Кричи, Пол. Пока ты не закричишь, я тебя не вытащу. Ты обещала не думать обо мне плохо, помнишь? Ты обещала. А теперь кричи. Как только ты закричишь, я сра-

зу тебя освобожу, но сначала тебе надо закричать. Пол, закричи. Пожалуйста.

Полина посмотрела на друга сквозь пелену слез.

Он шутит, он так по-дурацки шутит.

Костя на мгновение исчез из виду, но тут же вернулся и сбросил вниз пакет, тот плюхнулся на изрытое дно ямы.

— Там дождевик и резиновые сапоги. И еще термос с горячим клюквенным морсом, чтобы ты не простудилась.

Полина к пакету не притронулась, зато в полной мере осознала: своей жуткой заботой Костя разрушил ее надежды. Это была не шутка.

— Там еще твой магнитофон. Чтобы записать голос, когда ты закричишь. Хватит хранить чужие голоса, пришло время оставить свой, правда же? — добавил он.

Полина склонилась над пакетом.

Сверху, на свертке из синего прорезиненного дождевика, лежала ее компактная «Электроника», совсем еще новая.

Полина любила записывать на аудиокассету голоса людей в течение дня, родственников, соседей, прохожих. Она не слышала их, но старалась запечатлеть звуки: чужую речь, шум, смех, плач — все, что казалось ей важным.

Многие говорили, что это ненормально, но Полина все равно хранила голоса и шумы. Она лелеяла надежду, что когда-нибудь слух восстановится, и она вернется к своему архиву из десятков кассет, прослушает их.

Как раз сегодня ее очередная шестидесятиминутная кассета была почти заполнена. Оставалось несколько минут свободной пленки.

А может, это судьба и Костя прав: нужно испытать себя страхом настолько, чтобы закричать? Вдруг получится?

— Я оставлю тебя ненадолго. — Костя огляделся и нахмурился. — Ловушки затрещали... ловушки для сатаны. В них какие-то трещотки установлены... я не знал... в них шумит ветер. — Он снова посмотрел на Полину. — Пол, я вернусь минут через десять, ладно? Где-то на трассе веревку потерял. Наверное, она свалилась с багажника, когда мы ехали. Мне надо ее найти. Я быстро.

Полина замотала головой: «Нет, не оставляй меня тут одну!» — вот только во взгляде Кости больше не было вины или тревоги. Он почти не сомневался в том, что поступает правильно.

— Посмотри сюда. Ты знаешь, зачем это? — Парень указал на свисающую с края ямы трубу. — Чтобы ты испугалась сильнее. Здорово я придумал? Подвел воду из озера и перекрыл задвижкой. Если ты не закричишь, я уберу задвижку. Вода польется на тебя сверху и будет заполнять яму. Так ты испугаешься сильнее, а значит, закричишь. Точно закричишь.

«Не оставляй меня! Не оставляй! Если ты оставишь меня, я никогда тебя не прощу!» — жесты Полины, быстрые и эмоциональные, рассекли затхлый воздух ямы.

— Не оставляю. — На лице Кости читалась уверенность. — Я не оставлю тебя, Пол. Никогда не оставлю. Я скоро вернусь. Через десять минут буду уже тут, обещаю.

И впервые Костя показал *этот* жест: приложил раскрытые ладони к сердцу и направил их в сторону Полины — «Я люблю тебя».

А потом исчез.

Полина зажмурилась и осела на колени. Она не могла стоять. Тело содрогнулось от немного плача, ноги увязли в сырой комковатой земле. Через несколько минут, когда дрожь отпустила, Полина открыла глаза, и ужас обрушился на нее с новой силой, куда большей, чем прежде.

Вокруг стояла кромешная темнота.

Костя закрыл яму настилом, закидал ветками и приладил сверху то бревно. Да, он сделал это. Он хотел заставить ее закричать, даже если это будет стоить им дружбы.

Кричи, Пол. Ну давай же, кричи. Кричи.

Полина обхватила себя руками, впилась ногтями в бока и принялась раскачиваться вперед-назад. Все сильнее и сильнее, чтобы почувствовать свое тело, чтобы понимать, что оно еще не растворилось в этой вязкой темноте.

Рот приоткрылся сам собой. Полина вдохнула, зажмурилась и напрягла глотку.

Ей показалось, что она крикнула.

Да, крикнула.

Ей стало так больно. Там, внутри ее мертвого горла, в глубине легких, вспыхнул пожар. Он опалил язык и небо, докрасна раскалил губы. В темноте померещилось пламя, вырывающееся из ее огромного драконьего рта.

Костя должен был услышать — она закричала. Ну конечно. А как еще объяснить невыносимую боль в горле и во рту, треск по всей голове?

Она закричала, и сейчас ее освободят. Откатят то бревно, ветви отлетят в сторону, сдвинется настил, и с края ямы упадет веревка или опустится лестница.

Полина запрокинула голову, продолжая раскачиваться и ждать.

Вот-вот это случится. Еще минута — и она увидит узкую полоску света, с каждым мгновением полоска будет расширяться и расширяться, пока крышка на яме не сдвинется полностью. И сразу перестанет вонять землистой сыростью, ворвется солнечный свет, и Костя вытащит ее отсюда.

Ну конечно, вытащит...

Наверху что-то грохнуло, по земле пронеслись дробные толчки, похожие на топот маленьких ног.

Нечто бегало на поверхности и словно отплясывало... отплясывало...

Полина оцепенела, уловив вибрацию, издаваемую скрежетом: кто-то убрал задвижку из сантехнической трубы. Секунда-другая — и сверху обрушился поток холодной озерной воды.

Кричи, Пол. Кричи или умри. Кричи или умри, Пол. Кричи, кричи.

Раствор грязевой жижи начал наполнять яму.

Полина отпрянула к стене и закрыла глаза. Дрожащими грязными пальцами нашарила кнопку записи, задержала дыхание и включила диктофон.

Нужно просто подождать, решила она, чуть-чуть подождать, всего минуту. Можно даже посчитать секунды,

чтобы не было так страшно. Сейчас вернется Костя. Он так пугает... он просто пугает...

«Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь. — Полина представила электронное табло с часами, яркие красные цифры. Они отсчитывали время ее кошмара. — Пятьдесят шесть, пятьдесят пять, пятьдесят четыре, пятьдесят три, пятьдесят два...»

Внезапно она оборвала счет и распахнула глаза.

Сердце замерло.

Там. Там, напротив... в крошечной темноте ямы...

Там кто-то стоял.

Она почувствовала чье-то присутствие кожей, ощутила дыхание на лице, и если бы протянула руку, то наверняка дотронулась бы до неизвестного существа.

Полина плотнее прижалась к склизкой стене ямы, сжав диктофон, и тут же замерла снова: чьи-то ледяные пальцы коснулись мочки ее уха, провели по скуле вниз, к подбородку.

Она даже дышать перестала.

Сознание заполонила дрожь, а чужие пальцы тем временем продолжали исследовать ее окаменевшее от страха тело. Огладили шею, плечи, грудь, живот, скользнули вверх, пробежали по ключицам, коснулись лба, приподняли челку.

Полина опять зажмурилась.

К чужой руке присоединилась еще одна, следом еще... третья, четвертая, пятая. Через пару секунд яма кишела руками, множеством рук.

Они все жаднее ощупывали Полину, каждый сантиметр ее тела, забирались в волосы, оттягивали одежду, задирали футболку до самой шеи и опускали вниз. Подергивали, гладили, похлопывали, царапали.

Это все темнота, Пол. Это темнота. Протяни руку и пойми, что никого нет.

Она заставила себя поднять руку, и кто-то тут же прикоснулся к ней ладонью, сухой, покрытой жесткими волосами. Сильные пальцы переплелись с ее пальцами, раздвинув их до боли.

Полина вскрикнула.

Кричи, Пол. Пока ты не закричишь, я тебя не вытащу.

Конечно, нет — она лишь хотела вскрикнуть, но продолжала молчать. Голос будто копился в ней, раздувался и никак не мог найти дорогу наружу.

Яму заполнил запах гниющей плоти, густой и сладкий.

Полина запрокинула голову и открыла рот, приглашая голос вырваться в темноту и освободить ее. Слезы залили лицо и, кажется, потекли отовсюду: из глаз, носа, ушей, даже из пор кожи.

И пока это происходило, в голове стучала только одна мысль: «Как он мог поступить так с тобой, Пол? Как он мог бросить тебя здесь? Как он мог?.. Найди его. Отомсти ему. Отыщи и заberi его сердце... заberi его сердце, Пол... вырви его поганое сердце...»

Магнитофон в руке вибрировал ошутимее и сильнее.

На пленке записывалось все, что происходило вокруг, а в это время Полина думала о том, что даже если ей суждено умереть здесь, в этой адской яме, то когда-нибудь кто-то найдет ее записи и прослушает кассету. Она так надеялась на это, очень надеялась и...

...неожиданно настил хрустнул и сдвинулся.

Появилась та самая полоска света, о которой Полина мечтала целую вечность назад. Луч фонаря резанул пыльное пространство.

Полина оглядела яму и не увидела тех страшных рук, что ей померещились. Под ногами лежала пирамидка из веток — ловушка для сатаны.

Тебе все привиделось! Дура! Глупая трусиха. Вот и Костя. Он вернулся!

Она задрала голову и протянула руки навстречу свету. Наверху мелькнула тень, появилось лицо.

— Ты свободна, Пол, — услышала Полина далекий голос, будто к ней обращались из другого мира, и даже не удивилась тому, что услышала его по-настоящему.

Она его услышала, хотя была глухой.

Да, она услышала, но... это был не Костя.

ГЛАВА 1

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

СЕНТЯБРЬ, 2019 ГОД
(ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ)

В тот вечер, седьмого сентября, где-то в четверть одиннадцатого, Стас Платов впервые подумал о смерти.

Нет, он думал о ней и раньше — естественно, что все люди время от времени размышляют о смерти, чужой или своей. Но тогда Стас ощутил ее присутствие так явно, будто та стояла за спиной. Он представил себя мертвым прямо на рабочем месте.

Смерть проорала ему:

— Эй! Але! Ты глухой?!

А он сделал вид, что не услышал (услышал, конечно, но был слишком увлечен). В этот момент он разглядывал правую ладонь, испачканную кровью. Откуда она взялась, Стас так и не понял.

— Я жду! Ну сколько можно! Ты действительно глухой, да?

Он заставил себя оторвать взгляд от ладони и посмотрел в лицо женщины напротив.

Возможно, чья-то смерть действительно могла бы выглядеть именно так.

Манерная стерва с идеально ровным каре, будто из-под лазерного резака, и с неприятным голосом, то натужно высоким, то понижающимся.

Она нервничала и жестикулировала с тем показным раздражением, какое свойственно любителям играть на публику.

Женщина протянула Стасу свой билет. Блестящие ногти, заостренные, как кинжалы, казалось, вот-вот воткнут-

ся ему в глотку, если он задержит их хозяйку еще хоть на секунду.

— Добрый вечер. Ваш билет, пожалуйста.

Стас изобразил на лице рекламную улыбку, широкую и зубастую. Взял билет, оторвал контрольный талон и отдал билет обратно.

Он надеялся, что кровь с его ладони не попала на листок или, не дай бог, на кожу посетительницы, иначе та устроит такую истерику, что Стас вылетит с работы в первую же смену.

— «Кино-Остров» желает вам приятного просмотра, — добавил он с примирительной интонацией.

— Понаберут с улицы кого попало. — Женщина глянула на него так выразительно, будто занесла его промах в свой тайный список, чтобы потом отомстить.

Стас продолжал тянуть улыбку.

Ответной любезности не последовало, да он ее и не ждал.

Сейчас он хотел лишь одного: чтобы этот паршивый вечер быстрее закончился.

Его преданная любовь к кинотеатру «Кино-Остров», расположенному на первом этаже торгово-развлекательного комплекса «Рэд Молл», в самом центре Леногорска, продлилась ровно до того момента, пока он не начал там работать.

Теперь он числился билетным контролером, в нагрузку взял на себя еще и обязанности уволившегося на днях уборщика и, по правде, боялся даже представить картину, когда он, облаченный в дурацкий синий жилет, белую рубашку и с бабочкой на шее, столкнется с однокурсниками, бывшими одноклассниками или соседями.

Понятно, что он никому ничего не должен и волен работать где хочет, но его дурная репутация, от которой он методично избавлялся последние четыре года, могла вернуться по щелчку пальцев какого-нибудь вредного знакомого. Как возвращается камень, подброшенный над головой: не успел убежать — получи в темечко.

Если б не нужда в деньгах, он бы сейчас проходил маршрут на скалодроме в «Фантастик Рок» или изучал очеред-

ное дело из библиотечных архивов МВД, а не вынашивал планы задержаться в «Кино-Острове» на ближайшие месяцы, вплоть до зимней сессии.

Устроиться на другую работу, связанную с его специальностью, возможности тоже пока не представилось. Хотя ему, третьекурснику с высокой успеваемостью, без пяти минут юристу по уголовно-правовым отношениям, прочили блестящую карьеру в областной прокуратуре.

Но по факту его сегодняшняя трудовая роль выглядела немного иначе: билетным контролером в маленьком провинциальном кинотеатре.

Справившись наконец с очередью в зал «Д» и убедившись, что зрители покорно просмотрели рекламные ролики и увлеклись фильмом «Отомстить грешному городу», Стас снова занялся своей правой ладонью.

Ни порезов, ни ссадин на руке он не обнаружил. Кровь подсохла и затерлась. Странно, но в том, что ладонь измазана именно в крови, он даже не сомневался.

Слишком характерный бурый цвет.

Стас поднес ладонь к носу, принюхался, но уловил лишь запах типографской краски с билетов.

— Оль! — позвал он, обращаясь к рыженькой девушке за барной стойкой кафе, что располагалось в широком холле кинотеатра.

Ольга Щетинина работала не только барменом, но и официантом и как раз была свободна.

— Оль, подмени меня на пять минут. Мне отойти надо.

Девушка метнула в него быстрый взгляд и кивнула.

Она походила на неумолимого робота: ни одного лишнего телодвижения — только предельно выверенная мускульная активность.

В широком кармане ее фартука всегда имелись запасные карандаши и блокноты, упаковки бумажных салфеток «Снегурочка» и зубочисток «Гриффонс», горсть фирменных шоколадок «Кино-Остров» в желтой обертке, резиновые перчатки и вафельное полотенце.

Когда она куда-то шла, то выполняла еще с десяток задач по дороге.

— Если бы я носилась за каждой вещью специально, у меня бы ноги отвалились, — говорила Ольга, и Стас не сомневался: в рабочем плане на нее можно было положиться.

Он быстрым шагом, почти бегом, отправился в мужскую уборную в самом конце коридора. Плотнo закрыв за собой дверь и убедившись, что в туалете пусто, подошел к одной из раковин.

Теперь предстояло самое трудное.

Сначала он долго смотрел на кран, потом медленно и аккуратно, будто к тротиловой шашке, прикоснулся к холодной ручке смесителя, тут же ощутив волну дрожи: в кровь проникла первая порция адреналина.

Стас отлично знал, что последует дальше.

Если включить воду и постоять у крана несколько минут, то, кроме мурашек, на коже выступит пот, мышцы напрягутся, готовые к побегу, лицо побледнеет, кровь прильет к конечностям, и те затрясутся, а потом, минут через пятнадцать-двадцать, наступит апатия, захочется есть и спать.

Он отошел от раковины, так и не включив воду.

Вместо этого вынул из кармана упаковку влажных салфеток «Аурум», но пока тер руки, щурился и издалека разглядывал себя в зеркале, все равно никак не мог избавиться от навязчивого ощущения тревоги.

Вокруг было слишком много воды. Больше, чем он способен вытерпеть, не делая над собой усилий.

На необъяснимом уровне Стас ловил ее шум, слышал, как она булькает, журчит, несется по тоннелям труб, наполняет бачки унитазов, ощущал влажное марево, исходившее от еще не высохших раковин.

Он ненавидел воду. Он ее боялся. И не мог ответить наверняка, с чего все началось, — это просто было, с самого детства.

Кто бы знал, как тяжело ему давались простые вещи: мытье рук, поход в душ, прогулка по набережной. И если

существовал ад, то для Стаса он имел конкретное воплощение — во всем, где царствовала вода.

Ведь вместе с ней приходили голоса.

Про себя Стас называл их слуховыми фантомами, намеренно избегая слова «галлюцинации» — было в нем что-то необратимое и медицинское, намекающее, что пора бы обратиться к психотерапевту.

Порой голоса смеялись, порой шептали, но никогда не пытались быть услышанными, они жили своей жизнью, как интершум в кино. А вода, будто проводник, позволяла им появляться.

Стас никому не рассказывал о проблеме: ни родственникам, ни друзьям, ни своей девушке. И если б ему дали возможность забрать часть информации из головы матери, он сделал бы и это, чтобы ни одна живая душа не знала о его ненормальности.

Он как мог справлялся с недугом сам, точнее, избегал его причины — воды, — этим и спасался.

Стас сделал короткий вдох и медленно выдохнул.

Сердце снова уместилось в груди, успокоилось, перестав колотиться, как взбесившийся барабан. Стас выкинул розовую от крови салфетку в мусорный бак, скользнул взглядом по зеркалу...

И пульс снова участился.

В зеркальном отражении Стас увидел, как из швов между голубыми плитками кафеля сочатся набухшие крупные капли, темные, почти черные, текут вниз, оставляя ровные следы до самого пола.

Пространство туалета загудело, по стенам пробежала длительная вибрация.

Звук оборвался резко.

Ударила тишина.

Стас прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Сегодняшний гул не походил на его обычные слуховые фантомы. Это был уже не интершум или помехи, а самое настоящее соло.

Он обернулся, мельком оглядел кафельные плиты — конечно же, чистые — и поспешил покинуть мужской туалет.

Вылетел оттуда, будто получил пинка, и пока шел по коридору до рабочего места, давил в себе желание запереться в ближайшей подсобке и переждать приступ панического ужаса, вжавшись в угол.

Пугало его и то, что до сегодняшнего дня настолько живых и красочных фантомов, связанных с водой, у него не возникало. Ему частенько снились кошмары, это правда. В них он тонул, прыгал в воду, давился ею, захлебывался, барахтался в яме с грязной жижей, но чтобы так ярко проецировать боязнь воды в реальность — такое с ним случилось впервые.

— Ты лицо тоже мыл? — нахмурилась Ольга, дожидавшаяся Стаса у входа в кинозал.

Стас провел ладонью по лбу и понял, что вспотел, как бегун марафона. Он бы мог легко объяснить Ольге, что покрылся потом не просто так, что с детства боится воды и один ее вид вызывает в нем смертельный испуг, но вместо оправданий выдал скупые слова благодарности:

— Спасибо, что подменила.

Лучше уж прослыть потным кретином, чем терпеть насмешки, обнаруживая настолько нелепый диагноз. Бояться воды — как страдать аллергией на воздух, абсурднее болезни не придумаешь.

Он кашлянул в кулак и примостился у входа в зал «Д», подперев стену плечом. До конца сеанса оставалось сто девять минут, и можно было расслабиться.

Стас увлекся просмотром детских конструкторов в интернет-магазине «Умка» (в подарок младшему брату выбирал), но тут снова заметил на ладони кровь.

Кровь на той же самой ладони!..

— Вот дерьмо, — ругнулся он.

Уже собрался вынуть салфетки, как услышал, что его туфля тихо хлюпнула.

Он посмотрел вниз, на пол, и с хриплым выдохом прижался к стене, будто намеревался ее протаранить.

Телефон выскользнул из пальцев и плюхнулся экраном в воду, что заливала все вокруг.

Все вокруг.

Стас втянул носом воздух и прикрыл глаза, в мыслях сочиняя спасительную молитву: «Это не вода. Тебе показалось. Тебе сегодня вообще много чего кажется. Открой глаза и убедись, что ничего этого нет... или... трубу прорвало. Да, точно, могло прорвать трубу, и нужно просто вызвать техперсонал».

Все эти фразы пронеслись в голове за секунду.

И пока мозг искал хоть какое-то объяснение происходящему, туфли Стаса наполнялись водой, тяжелели, носки внаутри их намокали, ступни охватывал холод.

«Это не вода, не вода. — Стас понимал, что занимается самообманом: конечно же, это вода, и она заливает пол, но продолжал уговаривать себя: — Тебе показалось, просто показалось, показалось, показалось...»

— О-оль, — негромко позвал он, так и не открыв глаз, а даже плотнее зажмурившись. — Оля, ты это видишь?

В ответ он услышал дробные удары капель о водную гладь, где-то совсем близко. От коленей к животу прокатилась волна оцепенения.

Стаса бросило в жар, и он крикнул уже громче:

— Нас топят, звони техслужбе!

Наконец до него дошло: ему никто не отвечает, а сам он не слышит ничего, кроме звука капающей с потолка воды. Ни гомона людей, ждущих у входа в другой кинозал на противоположной стороне холла, ни тихой музыки и постукивания посуды в баре, ни звуков фильма «Отомстить грешному городу», что смотрят зрители в зале «Д».

В кинотеатре царил мертвецкая тишина, и казалось, в мире остались только он и вода — он и вода — его персональный ад.

По щеке хлюпнула капля, и Стас мгновенно распахнул глаза. Дыхание, которое ему удавалось сохранять почти ровным благодаря мысленному вранью, освоенному еще в детстве, перехватило.

Стас почувствовал, как рубашка на спине намокает не то от пота, не то от проступившей вокруг влаги и прилипает к коже как холодный полиэтилен.

Увиденное не поддавалось объяснению.

Холл кинотеатра и кафе были пусты и залиты водой. Она сантиметров на двадцать покрывала пол. Куски картонных декораций, листовки, салфетки, пакеты плавали на поверхности, как миниатюрные льдины. При этом вода не врывалась через двери и окна — она сочилась из стен и потолка, ее словно генерировали мебель и сам воздух.

«Твоя гидрофобия принимает новые формы, только и всего», — последние крупницы здравого смысла утонули в смятении, охватившем сознание Стаса.

Его затрясло так, как не трясло никогда. Не от ужаса, нет, а от того, что он, вероятнее всего, сошел с ума, что его мозгам требуется лечение.

Да он же псих, раз такое видит!

Стас и правда мог бы свалить все на болезнь и галлюцинации, но факты говорили об обратном: он вымок, понастоящему вымок до нитки, будто успел понырять.

Голову и плечи расстреливала ледяная капель, заливала лицо. По спине и рукам текли ручьи. Рубашка, жилет и брюки, не говоря уж о туфлях, отяжелели от пропитавшей их влаги.

Возникло желание раздеться догола, чтобы убрать с себя, как грязь, эту мокрую одежду и больше не соприкасаться с ней. Крошечной частью сознания Стас понимал, что это ничем ему не поможет и наверняка даже сделает хуже, но тяжесть набухшей от влаги материи, как чугунный панцирь, прижимала его к полу.

Он стянул с себя жилет, бросив его тут же, у ног. Сдернул с шеи сдавившую горло бабочку и расстегнул верхние пуговицы на рубашке. Дышать стало легче.

Теперь оставалось самое сложное — оторвать себя от стены.

Вода прибывала быстро и доходила Стасу уже до середины голени, а он не мог сделать ни шага, даже пошевелить ногами — вода будто зацементировала его в себя. Всем естеством Стас ощущал, как она завоевывает про-

странство. Как течет по лестнице зала «Д», переливается по его мягким, обтянутым ковровином ступеням, как неумолимо и почти беззвучно заполняет холл, коридор, весь торговый центр.

И с каждой секундой бездействия к нему приходило осознание: если он простоит у стены еще полчаса, ничего не предпринимая и, как немой зритель, наблюдая за наводнением, то останется здесь навсегда.

Только это был еще не ад.

Ад наступил через несколько минут.

Здание погрузилось в темноту, подсветка и лампы на потолке первого этажа погасли. Электронное табло часов, что висели над баром, мигнуло, и на нем вспыхнули ярко-красные цифры: 23:04.

Кто-то дышал. Там, за баром, кто-то дышал. Тяжело и неровно.

Потом прозвучал резкий и смачный треск, будто сломался гигантский карандаш, а затем зазвучал оркестр, музыку подхватило эхо. Звук шел из зала «Д», но не имел ничего общего с «Отомстить грешному городу». Это была композиция совсем из другого фильма, или мюзикла, или чего-то еще. Тревожная, мрачная и в чем-то торжественная мелодия, похожая на траурный марш или...

...заупокойную мессу.

Внутри Стаса все оборвалось.

Он вспомнил, где слышал эту музыку, — она звучала на похоронах деда. Правда, это было давно, больше десяти лет назад, и Стас надеялся, что забыл ее, забыл все, что с ней связано, но нет, эта мрачная мелодия резанула его по нервам, как только он ее услышал.

Он даже вспомнил, как мать, посеревшая от горя, сказала ему, восьмилетнему:

— Мы проводим дедушку его любимой композицией. Это будет Моцарт, «Реквием». Восьмая часть, которую вы учили с ним наизусть. Помнишь ее?

Оказывается, он помнил ее и сейчас. Именно она оглушала зал «Д».

Стас всегда поражался тому, что его дед, глухой с детства, слушал музыку. Он ее обожал, постоянно тыкал мозолистыми пальцами в старую магнитоу, выбирая радиостанции, и улыбался, когда находил понравившуюся мелодию. Он стучал ладонью по истертой оплетке руля в такт музыке. В такт. Что он слышал тогда? Вибрации? Низкочастотные басы? Особые волны? Что?..

Деду нравились исполнители всех жанров и направлений. Салон его «Москвича» на своем долгом веку повидал и блюз, и рок-н-ролл, и оперу, и набившие оскомину хиты, и неизвестные бардовские песни. Дед «слушал» Бетховена, Чайковского, Грига.

Но над музыкой Моцарта он плакал.

Он делал это по вечерам. Уходил в гараж, открывал ворота, заводил двигатель, включал фары и Моцарта, а потом смотрел отрешенным взглядом в лобовое стекло, в сумерки, будто чего-то ждал. Его глаза краснели, на щеках, худых и дряблых, блестели дорожки от слез. В машине он сидел несколько минут, не больше, после чего выключал фары и магнитоу, глушил двигатель и шел спать.

Естественно, что соседи считали его сумасшедшим. Да и смерть его была странной. О ней при Стасе не говорили. Он даже не знал, где дед умер и что с ним случилось.

И вот теперь Моцарт и его «Реквием» всколыхнули память Стаса, уже совсем не ребенка. Только знакомая симфоническая музыка и слова, спетые множеством мужских и женских голосов, напугали его не меньше воды.

Голоса пели:

Lacrimosa dies illa
Qua resurget ex favilla
Judicandus homo reus.

«Омоет слезами тот день, — зашептало в ушах Стаса, — когда восстанет из праха грешный человек».

Часы над баром опять мигнули, словно напоминая о том, что надо бы прийти в себя и убраться отсюда. На табло высветилось: 23:18. В ядовито-красном свете цифр

мелькнула тень, коснулась воды и расплзлась по ее поверхности, как нефтяное пятно.

За баром кто-то продолжал дышать. Хрипло и прерывисто, словно мучился приступом астмы.

Стас подавил рвущийся наружу крик отчаяния. Если он позволит себе закричать, то уже не сможет заткнуться, да и, судя по тому, что перед глазами замелькали цветные мушки, скоро он просто-напросто свалится в обморок. И тогда наступит конец всей его бессмысленной борьбе с самим собой.

Вода тем временем достигла колен.

«Если ты не оторвешь зад от стены, то захлебнешься, — продолжал в мыслях уговаривать себя Стас. — Давай пошевели хотя бы рукой. Да, начни с правой, все верно, или с левой. Начни, с какой хочешь. Только шевелись, шевелись, иначе ты тут сдохнешь. Продвигайся к двери, в зал, там есть пожарный выход. Он ближе, чем парадный. Возможно, в зале остались зрители... возможно... возможно, они и не заметили наводнения... да, в зале точно нет воды, нет воды... дьявол...»

Он опять себе врал.

Он знал, интуитивно чувствовал, что в кинозале будет так же пусто, темно и залито водой, как в холле, как и во всем здании торгово-развлекательного центра. Зато там был пожарный выход.

— Давай же, давай, — прошептал Стас.

Правая ладонь, неестественно тяжелая, скользнула вверх и вбок по влажной стене, нащупала дверной проем и ручку — именно в этой двери Стас видел сейчас свое спасение (или гибель: кто знает, что там, за закрытой дверью?).

Не отрывая лопаток от скользкой поверхности стены, он двинулся к проему, сделал шаг, заставляя ноги преодолеть сопротивление воды, плотной и вязкой, как кисель. Толкнул пальцами дверь (музыка вырвалась наружу, став в разы громче) и протиснулся в зал «Д», но тут же замер на пороге.

Первое, что он увидел, — фотографию во весь экран.

Не узнать ее было невозможно. Среди многих других она хранилась в семейном альбоме в бархатистой алой обложке в доме Платовых. Старая, выцветшая фотография, затертая по краям.

С экрана на Стаса смотрел умерший дед.

Снимок был сделан в гараже, а дед, поджарый, совсем не похожий на тех, кому за семьдесят, держал в одной руке снаряженный для ловли щуки спиннинг, а другой опирался на капот своего «Москвича», такого же молодцеватого на вид.

Совсем некстати Стас вспомнил, что у машины вечно скрипела передняя подвеска, а с указателем поворота порой включались «дворники». И этот цвет... («Деда, неужели он так и называется?») Цвет «Валентина» — сочный, сине-фиолетовый — всплыл в памяти и словно окрасил, оживил мертвую фотографию и те полустертые воспоминания, запрятанные Стасом даже от самого себя.

Дед медленно наклонил голову и взглянул Стасу прямо в глаза.

— Ох, господи...

Стас отшатнулся и чуть не вывалился обратно в холл, но успел ухватиться за дверной проем.

Ноги ослабли, из них будто вынули кости.

Все это казалось дурным сном, слишком дурным, слишком ненастоящим. Стас внутренне ждал, что кто-то сейчас тряхнет его за плечо, опустит меж лопаток кулак, ударит по щекам и выбьет из него этот затянувшийся кошмар.

Экран погас, фотография исчезла, и включилась подсветка зала. Стас прищурился, взгляделся в очертания пустых красных кресел и заставил себя медленно двинуться вниз. Что бы ни происходило, ему важно спуститься. Жизненно важно.

Там, на противоположной стороне, находился пожарный выход, легко отпирающийся изнутри без ключа, стоило лишь сдвинуть щеколду. Правда, ту часть зала, где маячила спасительная дверь, не меньше чем на метр залила вода.

Тут краем глаза Стас заметил, что в одном из кресел кто-то сидит и смотрит на него.

Сидит и смотрит.

Музыка оборвалась, из колонок послышался глухой треск, и уровень воды каким-то непостижимым образом стал выше почти вдвое. Стас будто ухнул в яму, провалившись по грудь.

Последние крупницы воли испарились, его накрыл животный отупляющий ужас, в голове зашумело. Он вжал голову в плечи, будто ожидал удара по затылку, и, повинаясь странному инстинкту, ринулся со ступеней вниз, в самую глубину.

Он упорно греб ледяную воду и самому себе напоминал попавшего в водоворот осла, испуганного и глупого. Но ведь ему осталось совсем чуть-чуть. Еще чуть-чуть продержаться, еще чуть-чуть, чтобы добраться до заветной двери.

Не добрался.

Сначала свело одну икроножную мышцу, следом — вторую. Тело выгнулось в долгой конвульсии, потеряло всякую чувствительность и перестало слушать приказы мозга. Стас хотел задержать дыхание и рвануть к поверхности, но ничего не вышло — вода снова его победила.

ГЛАВА 2

ПОСМОТРИ В СВОЙ КАРМАН, ПРИЯТЕЛЬ

Кто-то хлестал его по щекам, а другой рукой, холодной и твердой, придерживал затылок, чтобы голова не запрокинулась.

Стас почувствовал на себе дыхание, чуть сладковатое и закислое, отдающее алкоголем. И опять шлепок по щеке. В носу засвербело, в воспаленном горле забулькала мокрота.

Он тихо хрипнул и сглотнул, открыл глаза.

Над ним, в грубом синем дождевике, склонилась девочка-подросток лет тринадцати. Со светлых волос, облепивших лоб, виски и скулы, стекали капли.

Стас поморгал, освобождая ресницы и веки от воды, прищурился и прокашлял:

— Ты к-кто?

Девочка посмотрела на него блуждающим взглядом, с безразличием, как смотрят на мебель или асфальт под ногами, и снова дынула на него чем-то сладким (наверняка ягодная жвачка). Потом убрала руку из-под его затылка и выпрямилась.

Стас ударился головой о пол, холодные брызги окропили лоб и виски. Боль в затылке окончательно привела его в чувство, и он ощутил вокруг себя воду, услышал ее безмятежное тягучее журчание. Макушку, шею, плечи, руки, бедра — все тело огибал поток воды.

— По... помоги мне подняться, — икнув, попросил Стас и предпринял самостоятельную, но безуспешную попытку сесть.

Девочка даже не думала помогать. Глянула на него сверху вниз, молча коснулась своего виска и стукнула костяшками кулаков друг о друга.

Стас сразу понял, что это означает: «Тупица».

— Тупица. Согласен, — ответил он.

Сейчас Стас был на все согласен. Возможно, он бы даже позволил отрезать себе руку, лишь бы его вытащили из воды.

В темных глазах незнакомки мелькнули изумление и любопытство. Она явно не ожидала, что Стас понимает язык жестов. А он его понимал — выучил, когда еще дед был жив, да так и не смог забыть. В свою очередь, догадка Стаса подтвердилась: девочка, что вытащила его из воды, — глухая, зато читает по губам.

Незнакомка наклонилась и, ухватив его за ворот рубашки, помогла подняться.

Со Стаса ручьями потекла вода, он прислонился плечом к стене. Несмотря на внушительный размер дождеви-

ка, его спасительница выглядела хрупкой: тощая шея, худое остроскулое лицо, тонюсенькие детские пальцы. Как же она умудрилась дотащить его, двадцатилетнего парня, наверх, к самой двери кинозала?

Помещение продолжало наполняться водой, но уже не так стремительно, как раньше. Внизу, у экрана, образовался черный бассейн. Дверь пожарного выхода почти полностью скрыла водная гладь, как и кресла первых рядов. Красная матовая обивка зала вымокла и потемнела.

Девочка дотронулась до плеча Стаса и махнула ладонью: «Иди за мной».

— Куда? — Стас кашлянул. — Что, в-в-вообще... — К своему ужасу, он начал заикаться.

Звук «в» застрял меж губ, смешавшись с выходящим изо рта воздухом. Казалось, вместе с губами заикается и все тело: содрогается, сжимается в спазмах, будто не может принять устойчивое положение.

Девочка нахмурилась и огляделась. Описала ладонью круг, ткнула в Стаса пальцем и сложила руки буквой «х», прижав запястья друг к другу. Возможно, он что-то понял не так, но она сказала: «Вокруг тебя смерть».

— А? — простонал Стас. И сполз по стене обратно в воду.

Рассерженная незнакомка схватила его за грудки, подняла и встряхнула. Ее глаза опасно блеснули.

— Я воды боюсь. Нормально даже думать не могу, — тихо пояснил Стас: кажется, впервые он вот так просто в этом признался. Да еще и незнакомому человеку. Да еще и ребенку.

Девочка внимательно всмотрелась в его лицо, словно пронзая череп взглядом-рентгеном и проверяя на лживость, и кивнула.

— Т-т... ты здесь одна? — Стас ненавидел себя за заикание, за одеревеневшие конечности, за то, что чувствовал себя беспомощным, и, по сути, им сейчас и являлся.

От уверенного в себе Стаса Платова не осталось и следа: вода изменила его поведение до неузнаваемости,

превратила в напуганного до смерти идиота. Даже малолетняя девочка на его фоне выглядела смелой и brutальной.

Незнакомка кивнула и, хлопая по воде резиновыми сапогами, первой вышла из кинозала. Стас последовал за ней, ощущая, как страх в нем начинает трансформироваться во что-то другое — в некое подобие отчаянной решимости.

— Эй, погоди.

Она не услышала.

Уже в холле он коснулся ее плеча, обтянутого мокрым дождевиком. Девочка обернулась, в ее взгляде появилось раздражение.

— Погоди. — Заикание Стаса исчезло так же внезапно, как и началось. — У тебя есть телефон? У меня брат маленький, мама... вдруг они не успели...

Девочка приблизилась к Стасу вплотную, дыхнув на него сладостью и выставив острый подбородок, и черкнула ладонью перед собой: «Нет».

В ее глазах заплескали ведьмовские огни. Незнакомка повторила: «Иди за мной».

— Что происходит? — спросил Стас, придерживаясь требовательного тона, но тут же одернул себя: каким бы тоном он ни разговаривал, девочка не уловит эмоционального подтекста его речи.

Лицо незнакомки скривилось от гнева, посерело, приобретя болезненный сизый оттенок. Ростом она была существенно ниже Стаса, но это никак не влияло на уровень ее враждебности.

Она обхватила его руку липкими ледяными пальцами и, как на аркане, потянула через холл к застывшему эскалатору. Вода доходила ей до пояса, и силуэт в объемном дождевике напоминал нос ледокола, разрезающего темную воду океана.

Хоть девчонка его и спасла, Стаса начинала злить и она сама, и вся эта неясность.

Гнев придал ему смелости, но тело все равно реагировало на воду: движения были механическими, скован-

ными, даже суставы на коленях и локтях занули от того, что им приходилось преодолевать собственное сопротивление.

Электронные часы над баром показывали уже 23:38 и подсвечивали блестящую поверхность воды алым, делая ее похожей на кровь. По фойе дрейфовали предметы.

На пути встретился перевернутый пластмассовый стул и пачка размокших салфеток. Мимо проплыли одноразовые стаканы, чайные пакетики и пара сотенных купюр. Наводнение выглядело совершенно безобидным, спокойным и казалось нормальным, почти уместным.

У неподвижного эскалатора девочка отпустила руку Стаса и быстро поднялась на второй этаж, Стас же кое-как заставил себя преодолеть ушедшие под воду ступени. В пот его больше не бросало — он был покрыт им полностью, но каждую секунду испарину смывало водой, капающей с потолка. Ноги оставались непослушными.

Девочка обернулась.

Ее гневные глаза требовали поторопиться (и, наверное, не быть кретином). Наконец Стас вышел из воды, с веселым журчанием с него потекли ручьи. Страх никуда не делся, зато мышечный паралич отпустил тело.

Второй этаж был так же пуст, как и первый, в коридорах горела тусклая потолочная подсветка. Белый пол покрывали блестящие лужи, стены и стеклянные витрины пестрели каплями.

Девочка махнула ладонью, маня Стаса за собой. В ее резиновых сапогах громко захлюпала вода, при каждом шаге они издавали неприятный звук. Чавк-чавк-чавк.

Незнакомка оглядела витрины и направилась к магазину с вывеской «Империя одежды».

— Зачем нам туда? — спросил Стас, догоняя ее.

Она не среагировала, даже не посмотрела на него. Уже внутри магазина Стас не выдержал и грубо схватил ее за предплечье, поворачивая лицом к себе.

— Объясни мне все. Я что, много прошу?

Рывком девочка высвободилась и шагнула назад.

«Туда. — Она указала рукой в сторону примерочной. — Иди туда».

— Эй! Объясни мне! — заорал Стас, не двигаясь с места. — Какого черта происходит?

Эхо пронеслось по пустому торговому залу.

Девочка тяжело задышала.

Ее дождевик, и без того огромный, будто надулся от напряжения. Она прижала палец к губам и черкнула по воздуху ладонями — «Соблюдай тишину!», — потом цепко ухватила Стаса за руку и повела в примерочную.

В горячей от гнева голове тут же возникло мысленное решение: надо уходить отсюда, а не бродить за девчонкой, у которой не все дома, как баран.

«Ха-ха, никуда ты не уйдешь — внизу вода, — отреагировал внутренний скептик. — А эта девочка — единственная, кто хоть что-то знает. К тому же она спасла твою мокрую задницу».

В примерочной стоял полумрак, длинная стальная штанга у стены была завалена платьями, джинсами, кофтами и прочей одеждой с болтающимися на них красными ценниками. Кабинки по обе стороны закрывали плотные занавески до пола, короткий коридор заканчивался зеркалом в полный рост. Над ним светился маленький плоский экран с цифрами 23:48.

— И зачем мы здесь? — спросил Стас.

Незнакомка не ответила. Подавив в себе вскипевшее самолюбие и ненависть к собственной беспомощности, Стас огляделся. Краем глаза он уловил движение одной из занавесок.

Дыхание участилось, на висках выступил пот. Стас подошел ближе к кабинке и резким движением сдвинул штору вбок.

Выдохнул.

Там стоял манекен, покрытый белой простыней. Злясь на себя за мнительность, Стас покачал головой, усмехнулся и обернулся к девочке.

— Ты зачем меня сюда привела? — спросил он уже более миролюбиво. — И вообще, как тебя зовут? Кто ты такая?

На вопрос девочка среагировала так, что стало страшно.

Она прильнула к стене у зеркала и принялась царапать по бежевым панелям ногтями, с леденящим кровь остервенением, с невыносимо противным скрипом. И быстро, неестественно быстро, двигая рукой.

Ее ногти ломались, кровоточили, но она продолжала писать.

Большими печатными буквами она нацарапала на стене свое имя:

ПОЛИНА.

Из царапин брызнула темно-красная жидкость, похожая на ягодный сироп, и потекла по стене.

Стас попятился в сторону выхода: интуиция подсказывала — нет, вопила, — что надо спасаться.

Он оглянулся на то место, где был проем, выход из примерочной в зал магазина (*господи, никогда не буду заходить в примерочные... никогда...*), взгляд в панике искал дверь, но не находил ее. Лишь бесконечный коридор с кабинками и занавесками.

На ослабевших ногах Стас продолжал пятиться, старался не делать резких движений.

Девочка не спускала с него темных ведьмовских глаз, ее правая рука с обломанными ногтями нырнула в оттопыренный карман дождевика и вынула то, что Стас видел лишь раз в своей жизни, на ретровечеринке у Жанны, своей девушки, любительницы тематических междусобойчиков.

Это был портативный кассетный магнитофон. Небольшой, чуть крупнее ладони, с мелкой белой надписью «Электроника-мини-стерео».

Полина протянула магнитофон Стасу. Но он уже успел отойти от нее метров на десять и продолжал отступать назад в надежде, что там, чуть дальше, найдется выход в торговый зал.

Стас перевел взгляд с раритетного магнитофона на лицо Полины.

Она улыбнулась.

И впервые он заметил, что зубы у нее гнилые, а одного резца не хватает. В уголках ее рта собралась темная, как густое какао, слизь и двумя струйками потекла к подбородку. Такая же слизь полезла из глаз, запачкав щеки, будто она плакала чем-то черным и не могла себя остановить.

Белесые губы девочки сложились в дудочку. Вместо звука изо рта вырвался пар, примерочная наполнилась запахом тины, сладостью гниющей плоти.

Так вот чем она на него дышала. Мертвечиной, а не ягодной жвачкой...

Стас зажал нос и рот ладонью, но это не спасло его от приступа тошноты. Он несколько раз сглотнул и задержал дыхание, чтобы его не вырвало прямо под ноги.

Часы над зеркалом щелкнули и показали 23:57. Стас только на секунду отвлекся и глянул вверх, на экран, но когда опустил взгляд, сизое и распухшее лицо Полины находилось от его лица уже в нескольких сантиметрах.

В живот уперся магнитофон.

— Я должен взять его... да?.. — выдохнул Стас.

Он обхватил пальцами влажный пластмассовый корпус, прижал к себе. Полина кивнула и улыбнулась. Потом поднесла руку ко рту и показала жестом: «Поговорим».

Потолочная подсветка магазина затрещала, заискрилась, погасла и тут же вспыхнула вновь. Девочка исчезла, а Стас каким-то немислимым образом оказался прямо перед зеркалом в конце коридора.

Несколько секунд он глубоко дышал и смотрел на свое ссутуленное тело, серое лицо, блестящие глаза и расширенные от ужаса зрачки. Он не сразу заметил, что позади кто-то появился.

Не Полина.

Это был тот самый манекен, скрытый под простыней.

Стас внезапно почувствовал себя беззащитным, совершенно беспомощным. Пусть он не верил во всякую чепу-

ху вроде потусторонних сил, но к такому совершенно не был готов.

Борясь с желанием заорать во всю глотку, он обернулся, отпрянул к зеркалу и буквально прилип к нему спиной.

Манекен шевельнул головой. Мышцы на ногах Стаса тут же стали мягкими, колени ослабли. Ему, как никогда в жизни, захотелось зажмуриться, но он до боли вытаращился на манекен, ловя малейшие его движения.

— Поговорим, приятель? — донесся из-под простыни голос. Въедливый и хрипящий, словно там скрывался старик. Двухсотлетний старик.

Стас еще пытался отыскать в происходящем логику, здравый смысл, объяснение и убедить себя, что все увиденное и услышанное — чей-то жестокий розыгрыш. Да, возможно, когда он сдернет покров с неизвестного, им окажется знакомый придурок, возомнивший себя гением черного юмора.

— Ты вышел на новый уровень, приятель, — прохрипело снова. — Можно сказать, сегодня ты потерял эзотерическую девственность. Твои слуховые фантомы стали громче. Теперь ты не только слышишь, но и видишь нас. Хочешь узнать, как это называется? Это называется Гулом смерти. Те, кто обречен на вечное молчание, обретают го-о-олос и пло-оть.

Ткань на голове неизвестного кольхнула.

Нет, так долго притворяться и не умереть со смеху не смог бы даже самый искусный актер.

Внутренне сжавшись в пружину, Стас ждал того, что этот кто-то наконец засмеется и скинет с себя простыню. Или сейчас, прямо сейчас, стоит лишь поднять руку, подойти, сдернуть покров — и Стас сам узнает, что за говнюк чуть не довел его до обморока.

— Ты устал от голосов, мы знаем, о-о, уж мы-то знаем, как ты устал, приятель, — продолжало нечто. — С самого детства, бедный мальчик, ты слышишь нас... слышишь, как нам хорошо здесь, в нашем аду, в нашей Башне. Я хочу поздравить тебя, приятель. Отныне ты имеешь в

него доступ... доступ в наш ад... теперь наш ад проник в твою маленькую грязную жизнь... маленькую... маленькую... грязную жизнь... Как тебе это, приятель? Нравится? Добро пожаловать в наш ад! Теперь это наш общий а-ад! Наша общая Башня!

Простыня порвалась.

Высунулась желтовато-серая рука, покрытая голубыми матовыми жилами, и принялась слепо шарить по воздуху. Подгнившие тонкие пальцы в бурых пятнах механически задегались, будто играли на невидимом пианино.

Опять прозвучал скрежещущий голос:

— Отныне и навсегда мы все повязаны с тобой Гулом смерти. — Голос стал угрожающе громким. — Посмотри, как нам хорошо! Отныне мы будем приходить к тебе каждый вечер, приятель... каждый вечер. Жди нас в новом обличье, каждый вечер в новом обличье, ведь мертвые никогда не повторяются. Мы устроим тебе такой аттракцион, что ты не вытянешь и недели. Ну так что? Хочешь от нас избавиться?

Если бы Стасу было лет десять, увидев такое, он бы точно обмочил штаны, да и сейчас, в двадцать, он почувствовал, как низ живота охватило морозом, а в кишках сама собой образовалась неподъемная тяжесть. Он еще надеялся на что-то: проснуться, исчезнуть, вернуться в реальность. Все это должно было прекратиться... вот-вот... уже сейчас.

«Нет, настолько натурально сыграть невозможно, да и грим на коже руки выглядит как компьютерная графика. — Мозг Стаса искал крохи логики в том, что видел. И принимал решения во имя собственного спасения. — И даже если здесь установлена камера, а под простыней скрывается оscarоносный актер, я все равно не дам этому говнюку до себя добраться».

Он молчал и почти не дышал, боясь, что если подаст голос, то мертвая рука дотянется до него.

Существо под простыней внезапно пришло в движение и дергающейся походкой, словно терзаемое судорогами, пошло в сторону Стаса. Голова под тканью резко поворачивалась то в одну, то в другую сторону, приносясь и идя

на запах чужого страха. Существо ступало неестественно, повинуясь каким-то своим рефлекторным импульсам, натыкалось на стены и выставленной вперед рукой обшарило занавески кабинок.

Слепая тварь приближалась, а Стас все сильнее вжимался в зеркало.

В горле застрял крик. Тело, мысли, вещи, воздух — все исчезло, поглощенное воронкой страха. Он онемел от обрушившегося на него осознания неотвратимой встречи со смертью и таким ужасом, о существовании которого до сегодняшнего дня даже не догадывался.

— Где бы ты ни спрятался, мы найдем тебя, — шептал неизвестный, продолжая шарить рукой по воздуху. — Ты нам чужой, приятель... Нам не нужны такие, как ты. Ты только испортишь нам праздник, ты омрачишь наш прекрасный ад. Поэтому мы хотим сделать тебе предложение. Ты найдешь для нас кое-кого, а мы освободим тебя от Гула смерти, ведь сам ты от нас не избавишься. Как тебе, приятель? Мы знаем, о-о, уж мы-то знаем, как ты устал от наших голосов. А теперь... теперь... посмотри в свой карман, прия-а-атель... посмотри в свой карман.

Стас облизал сухие губы, сглотнул и... даже не успел отпрянуть. Существо молниеносно подскочило к нему, впились пальцами в его правое плечо и уставилось сквозь простыню, склонив голову набок и часто, по-звериному, дыша.

Стас не заметил боли. В нем остался только ужас.

Из-под простыни раздалось рычание:

— Посмотри! Посмотри в свой карман, приятель! Посмотри в свой кар-р-ма-ан!

Желто-сизая рука взметнулась и сдернула простыню с головы.

Дрожащие колени Стаса подогнулись, но он устоял.

На него, улыбаясь, смотрела Ольга Щетинина, официантка из кафе «Кино-Острова». Не сводя со Стаса глаз, девушка деловитым и привычным движением опустила руку в фартук, вынула короткий нож и без каких-либо эмоций перерезала себе горло.

В лицо обезумевшего от ужаса Стаса брызнула горячая кровь, свет в примерочной моргнул, экран над зеркалом щелкнул.

Не понимая, что делает, Стас машинально повернул голову на звук.

Часы показывали 00:01.

Перед глазами поплыли розовые кляксы, превратились в адскую круговерть из мертвых лиц.

Что случилось после, Стас помнил плохо.

Из-за приступа боли, охватившей правое плечо, шею и голову, он зажмурился и, кажется, застонал, завыл. Завыл, как адский пес. Послышался треск стекла, звон упавших к ногам осколков, и Стаса выбросило из магазина гигантским невидимым взрывом.

...В следующее мгновение он уже упирался плечом в стену, смотрел на экран смартфона и выбирал детские конструкции в интернет-магазине «Умка».

Он снова стоял у кинозала «Д», в сухой одежде, причесанный и аккуратный. Только сердце стучало у горла, стучало так, что, казалось, его грохот слышал весь торговый центр, наполненный шумом и людьми.

Стас поднял глаза, посмотрел на бар. На табло светилось: 23:01».

«Вот это я задремал... всего-то минута прошла... — Мозг нашел пережитому кошмару быстрое и легкое объяснение. — Больше никаких вечерних сеансов. Даже в субботу».

Стас нервно и с облегчением усмехнулся. Боль в предплечье еще не отпустила, и этот факт тоже можно было объяснить: плечо занемело, пока Стас стоял, опершись на стену. Да ведь все очевидно. Очевидно.

Но тут его нога уткнулась во что-то твердое.

Стас застыл — он не хотел смотреть *туда*. Не хотел. Нутром чуял: после этого все изменится, и его без того шаткий мир полетит к чертям.

Взгляд упал вниз.

У ног лежала миниатюрная «Электроника».

— Нет... — Стас сглотнул. Рука медленно полезла в карман брюк («Посмотри в свой карман, приятель»). — Нет, — прошептал он.

Пальцы нащупали скользкий край бумаги. Стас вынул ее. Это была рекламная листовка из магазина «Империя одежды», на ней алела надпись, сделанная красными чернилами:

*«С моей стороны: Леногорск, ул. Пролетариата,
д. 8, кв. 72.*

*С твоей стороны: Новосибирск, ул. Академическая,
д. 12, кв. 98.*

Ищи виновного, или мы сами тебя найдем.

*Мы УЖЕ нашли тебя. Жди нас в 23:00 с Гулом
смерти. Каждый день.*

Все справедливо. Все должно быть справедливо.

Полина Михайлова».

Стас долго смотрел на адреса.

И вместо того чтобы скомкать и выкинуть записку, перекреститься и выдохнуть, он начал анализировать послание.

В Новосибирске, что находился за добрых три тысячи километров от Леногорска, у него не было ни родственников, ни друзей, ни знакомых, даже по Интернету, и что означало указанное место, он даже боялся предположить.

А вот с улицей Пролетариата его связывали самые неприятные воспоминания. Ну а увидев фамилию Полины, Стас уже не сомневался: беда не приходит одна.

Он сунул листовку обратно в карман, огляделся.

На противоположной стороне холла другой билетный контролер открыл дверь в зрительный зал «А», и очередь неспешно двинулась, люди подавали парню билеты.

В баре Ольга (живая Ольга!) все так же продолжала сутеться: наливала кофе женщине, сердито постукивающей о стойку ногтями-кинжалами. Стас узнал ее. Именно она выказывала ему свое недовольство примерно вечность назад. Почему она вообще тут торчит, а не смотрит кино, ведь сеанс еще идет?

Стас прикоснулся к ноющему предплечью, на несколько секунд замер, принимая решение. Потом забрал с собой «Электронику» и не слишком твердым шагом направился к бару.

— Оль, дай стакан воды, в глотке пересохло, — попросил он и невольно посмотрел не в лицо Ольге, а на ее шею, тонкую, красивую шею.

Он будто ждал, что вот-вот сама собой кожа на ней перережется и из красной пульсирующей полосы на барную стойку хлынет кровь.

— Видишь, я занята, — проворчала девушка.

Ольга глазами дала понять, что подобное поведение при клиенте неприемлемо и может стоить Стасу работы. Он навалился на стойку (дрожь в пальцах все никак не проходила).

— Тебе воды жалко, Оль? Воды из-под крана? — Потом повернулся к женщине, стоящей рядом, и усмехнулся: — Жаль, что вы сегодня не утонули.

Ольга чуть не выронила стакан из рук.

Женщина вытаращилась на Стаса и набрала воздуха в грудь с явным намерением начать скандал, но Стас не дал ей высказаться. Он отвернулся и бросил, уже не глядя на нее:

— Не утруждайтесь. Я здесь больше не работаю. И да, я не глухой.

Под гробовое молчание он осушил стакан с водой и отправился в гардероб.

ГЛАВА 3

СТОЛКНОВЕНИЕ

На сиденье дворовой скамьи, где Стас прозябал вот уже два часа, вращалась монета.

В мельтешении латуни чеканка совсем не различалась, но если бы монета замерла, то предстала бы обычной де-

сятирублевой. Она сливалась в желто-розовый шар, мерцала, лоснилась в вечерних солнечных лучах, и, как только падала набок, Стас снова ее раскручивал.

«Уезжай отсюда. Уезжай, — думал он. — Ты ведь не слушал ту кассету, ты не знаешь, что на ней, а значит, все еще обратимо. Прошли почти сутки — и все в порядке, сам же убедился. Ну и что, что в бардачке твоей машины лежит тот паршивый магнитофон? Да плевать. Просто уезжай домой, не сиди вот так. Ты же не любишь ждать у моря погоды, ты всегда поступаешь так, как тебе нужно. Вали отсюда. Зачем ты к ней пришел? Беги, пока есть возможность. Ну».

Стас прихлопнул десятку ладонью и спрятал в карман пиджака.

Хотел бы он сейчас убежать, да только бегство его не спасет и не избавит от фантомов и галлюцинаций, а потому он не двигался с места — будто прилип к скамье у восьмого дома по улице Пролетариата. Зорко наблюдал за окнами семьдесят второй квартиры и изучал лица всех, кто выходил из подъезда или заходил в него.

Стас отлично знал, кто живет по адресу: Пролетариата, 8/72, и последние пять лет сознательно и бессознательно отказывался появляться даже в ближайших дворах. А вот теперь сидел и намеренно ждал встречи с хозяевами злополучной квартиры.

Дьявольская ирония.

Неожиданно он ощутил себя несчастным, хотя понимал: жалеть себя — как спастись валидолом, когда патологоанатом уже вынул сердце, — бесполезное занятие.

Стас глянул на часы: без четверти шесть. До одиннадцати вечера оставалось чуть больше пяти часов.

С небывалой остротой он почувствовал, как двор охватила кладбищенская безмятежность и воздух отяжелел от жары, плавившей Леногорск первую декаду сентября, как люди словно замедлились, уставшие от непривычного для осени зноя.

«Эй, все не так уж плохо», — мысленно уговаривал себя Стас, но все, конечно, было плохо. В семьдесят вто-

рой квартире восьмого дома по улице Пролетариата проживала Марьяна Михайлова.

Одиннадцать школьных лет Стас просидел за партой позади нее, и все бы ничего, если бы из-за Марьяны он не убил человека. А может, не из-за нее, а из-за самого себя — сейчас и не разберешь.

Голову словно наполнил горючий газ. Стас ждал нового столкновения и невольно вспоминал о прошлом, которое так давно мечтал определить в отходы и не сожалеть о нем никогда. Никто ведь не плачет возле мусорного ведра — вот и он не будет. Но прошлое снова вернулось, восстало, чтобы отравлять ему жизнь. Оно пролезло в голову и вздулось, впитывая все его соки, как хлебный мякиш.

Стас вспоминал Марьяну Михайлову.

* * *

Поначалу их не связывало ничего, кроме того, что они родились в один год, были прописаны в одном районе города и ходили в один класс сорок второй общеобразовательной средней школы города Леногорска Тверской области.

Но потом, лет в четырнадцать, Стас впервые посмотрел на Марьяну как на желанную девушку. Он и сам не понял, как это случилось, словно кто-то щелкнул пальцами, вызвав в его организме вихрь чувств.

Затылок Марьяны, что маячил перед ним на каждом уроке, перестал быть просто затылком впереди сидящего человека. Теперь Стас любовался и плавной линией ее скул, и беспорядочной пышностью темно-русых кудрей, и белизной кожи, и тембром голоса.

Марьяна не обладала сногшибательной внешностью и в школе ничем не выделялась, кроме как любовью к театральным постановкам и школьной газете, а от этого Стас был далек на сотню световых лет.

Она нравилась ему другим: твердостью характера, чувством справедливости, готовностью идти до конца. Она

привлекала его и физически, все чаще он ловил себя на мысли, что ему хочется касаться ее. Это желание смущало, но от того не становилось менее острым.

Стас давил в себе влечение к Марьяне, компенсировал душевное нитье другими девушками, более доступными в его понимании, хотя не был тем, кто томится в очереди за желаемым (иди и возьми — его тогдашнее кредо). Только в случае с Марьяной его выдержка лишь крепла. Он не проявлял к девушке открытого интереса, да и в классе о нем ходила дурная слава.

Марьяна была о ней наслышана.

Учился Стас плохо, покуривал за школой, водил сомнительные знакомства, дрался, даже попадал в поле зрения полиции за умышленную порчу чужого имущества, и все об этом знали. Хорошим парнем его считали только приятели со двора, а их было не так уж и много.

Влюбиться во флегматичную интеллектуалку с совсем другими интересами, нежели у него, оказалось серьезным испытанием. Терзания Стаса длились больше года, пока он не сдался и не предложил Марьяне встречаться.

Им было тогда по пятнадцать.

Он ждал категоричного отказа и хихиканья ее подружек за спиной, но Марьяна взяла и согласилась, чем перевернула его сознание, понимание реалий и человеческих поступков.

И, если быть честным, получив согласие, Стас встревожился. Впервые в жизни он ощутил груз возможного разочарования: вот он сидел позади Марьяны и любовался ею, как недоступной феей, а вот фея позволяет обнимать себя за талию, и один черт знает, какой финт от нее ожидать.

Марьяна финтов не выкидывала, но все же промывала ему мозги рассказами о вреде курения, говорила о том, что хорошо бы поучаствовать в художественной самодеятельности, подготовиться к сочинению или прочесть наконец «Капитанскую дочку».

Она состояла в школьной редколлегии и лезла в каждую общественную дыру, зато даже целоваться не умела. При

всей своей продвинутой жизненной позиции Марьяна ничего не знала о жизни настоящей. И ближе, чем позволено целомудрием, она Стаса Платова к себе не подпускала. В губы он поцеловал ее всего два раза, и второй поцелуй стал для них роковым.

Они встречались недолго, с марта по июнь, и все это время Стасу казалось, что Марьяна, памятуя о его социальной неправильности, ждет от него подвоха, какой-нибудь трагической ошибки.

Ошибка не заставила себя ждать. Трагическая и неправивая.

У Марьяны был сосед по парте, Андрей Бежов. Невысокий сутулый парень, темноволосый и смуглый, похожий на турка. И, сидя позади них, Стас наблюдал за хитросплетениями их отношений.

Они пихались локтями, хихикали, касались друг друга плечами, обменивались тетрадами и домашними заданиями. Еще с младших классов они вместе ходили в бассейн два раза в неделю, по средам и воскресеньям, на переменах обсуждали одни и те же книги, фильмы и песни. Особенно Бежов любил порассуждать на тему театра.

И если Марьяна искренне считала, что нашла друга по духу, и доверяла ему как себе, то Бежов, по мнению Стаса, просто делал вид, что ему нравятся увлечения Марьяны. Он обхаживал ее уже давно, млея рядом с ней, но, как ни старался, не вызывал в подруге глубоких любовных переживаний.

А потом в жизни Марьяны появился нарушитель общественного порядка и троечник Стас Платов, и авторитет соседа по парте, ценителя чужих хобби, в глазах девушки пошатнулся.

К тому же Стас решил укрепить свои позиции и четко обозначить однокласснику: у девушки есть покровитель, неудачников просим удалиться. Он остановил Андрея за школой, но разговора не вышло. Бежов сначала шарахнулся от Стаса, а потом налетел на него с кулаками, молча и яростно. Тогда их разняли проходившие мимо одиннадцатиклассники.

После этого Андрей затаил обиду и ждал своего часа. Неудивительно, что тот настал.

Все знали, что Стас враждует — серьезно, люто и принципиально — со своим двоюродным братом Егором Сенчиным. Именно от него Бежов и узнал о большой тайне Стаса. О том, что он до безумия, до обморока боится воды. Созрел логичный план: окунуть врага в воду и напугать до смерти. Желательно в безлюдном месте.

Бежов терпеливо дождался летних каникул и, объединившись с Егором, подкараулил соперника на улице.

Возможно, уже через полчаса он пожалел, что связался с таким человеком, как Егор. Сенчин был на год старше и вёл дружбу со взрослыми ребятами. А ещё он слишком ненавидел Стаса, чтобы с ним церемониться: он просто напустил на врага своих дружков, а те скрутили ему руки и пихнули в чей-то старый «цивик».

В свои пятнадцать Стас не отличался крепким телосложением, поэтому не слишком-то и сопротивлялся. Его вдавили в сиденье, зажав с обеих сторон, как котлету в гамбургере.

Справа от него сидел сам Егор.

— Поехали на Рокот, — велел он водителю.

И Стас почувствовал, как в желудке леденеет глыба страха, тяжелая и шершавая. «Рокот» — слово, от которого немело все тело. Так называлось местное озеро за городом, в тридцати километрах. О нем ходили разные жуткие байки, но Стаса пугало не это. Озеро — значит вода, много воды.

Да, это был паршивый день.

Кроме Андрея Бежова, Егора сопровождали двое парней. Он пару раз озвучивал их прозвища: Скрипач и Ударник. Выбрав безлюдное место на берегу озера, парни вытащили Стаса из «цивика» и снова скрутили ему руки.

Егор внимательно наблюдал за реакцией брата, словно препарировал его эмоции.

— Ты совсем тронулся? — пропыхтел Стас. Он старался не смотреть на воду.

— Увидел родственника и решил пообщаться, что в этом плохого? — улыбнулся Егор. Улыбнулся настолько радужно, что не знающий его человек мог бы легко ему поверить. — Посмотри, какая жара. Может, искупаешься? Или ты воды боишься? Ой... кажется, твоя мама говорила моей маме о твоих проблемах... э... психического плана. Интересно, ты такой родился? Почему тебя до сих пор не поместили в лечебницу? Ты пьешь таблетки, чтобы не угрожать обществу? А, Стас? Или как там тебя зовут? Хотя... имена не влияют на синапсы и хорошие гены, уж тебе ли не знать. Буду звать тебя вы-кор-мыш. — Слово «выкормыш» Егор произнес с оскалом, еле сдерживая гнев.

— Захлопнись, урод! — Стас задержался, зажатый в тисках рук Скрипача и Ударника.

Его мозг сам собой рисовал картину, как нос ненавистного брата, тонкий орлиный хрящ, крошится под костяшками его кулака.

Каким-то невообразимым образом Стас вывернулся и оттолкнул полноватого неповоротливого Скрипача, но тут же почувствовал, что сзади его, как клещами, стиснул Ударник, высокий и сильный, и швырнул на землю. Перед лицом Стаса возник ствол травматического пистолета, и на таком расстоянии опасность он представлял серьезную.

Холодные глаза Егора не выражали эмоций, ладонь не дрожала, уверенно обхватывая рукоять пистолета. Щелчком он снял оружие с предохранителя, изящный палец пианиста лег на спусковой крючок.

Затем, весело усмехнувшись, Егор направил ствол Стасу между ног и сказал:

— Если ты еще хоть слово вякнешь своей мамаше, что я тайно трачу деньги моего отца, я прострелю тебе что-нибудь важное. Ты же понимаешь, о чем я? У меня действительно есть деньги, а этот пистолет вполне способен сделать тебе очень больно.

Почему-то вместо того, чтобы испугаться, Стас произнес, пародируя манеру тети Тамары, матери Егора:

— Пистолетик в твоём возрасте? Что за шалости, Егор?

Губы Егора нервно дернулись.

— Говнюк. — Он замолчал, справляясь с эмоциями, а в этом ему не было равных. Вспышка гнева оголилась на долю секунды, и улыбка озарила холеное лицо брата. Все еще держа Стаса под прицелом, Егор обратился к стоящему поодаль и бледному как мел Андрею Бежову: — Кажется, ты что-то хотел ему сказать?

В глазах Андрея читалась вина.

Только вместо того, чтобы отменить решение или попытаться спасти шкуру своему однокласснику, он тихо произнес:

— Не подходи к Марьяне, понял? Если я увижу тебя рядом с ней, то... то... — он облизал губы, рывком вдохнул и выдохнул, — то мы тебя утопим. А теперь кидайте его, пусть все знают, что Платов не такой крутой, как они думают! — Последнюю фразу Бежов сказал уверенно, с ненавистью.

Его распирало острое желание унижить Стаса, как человека, который унизил его, а не уберечь Марьяну от глупого влияния местного хулигана. Наверняка о девушке мечты он думал сейчас в последнюю очередь.

— Без проблем, — закивал Скрипач, вцепился в щиколотки Стаса и потянул на себя, Ударник тем временем схватил дергающуюся жертву за руки.

Они растянули Стаса, как гамак.

— Нет, погодите, — остановил их Бежов. — Дайте и я поучаствую.

Он подвинул Ударника плечом и присоединился, обхватив одну руку Стаса. Теперь они держали его вдвоем.

— Отвалите, уроды! — в панике заорал тот, задергал ногами, но парни, гогоча, быстро потащили его к воде.

Краем глаза он заметил, что на берегу появились три девчонки, совсем еще малолетние, им было лет по десять. Возможно, они пришли сюда пешком из Горелова, ближайшего села, что в трех километрах отсюда. Девчонки внимательно наблюдали за происходящим издали. Наверняка подумали, что парни так шутят. А вот Стасу было не до шуток.

Внутри все заledenело от страха.

«Только не вода, только не озеро, только не *это* озеро. Господи!»

Дыхание Стаса остановилось, застряло где-то за солнечным сплетением, перед глазами завертелся калейдоскоп из рваных облаков и ярко-синего неба, закружилась голова.

Он знал, что последует дальше: его тело парализует в воде. Просто парализует.

— Оставьте меня! Оставьте, пожалуйста! Не надо, нет! — Он не просил, он молил о пощаде. Его гордыню смело страхом. Он зашептал: — Пожалуйста... пожалуйста, не надо, господи... делайте все что угодно, только не это... пожалуйста...

— Ха, Платов, ты б себя видел, — засмеялся Бежов. — Егор, сними его на видео, такое не каждый день случается.

— Да уже снимаю! — крикнул издали Егор.

Стасу было плевать на камеру, он продолжал умолять:

— Не надо, не надо... пожалуйста, не надо... нет, нет... — А потом случилось самое страшное, самое ненавистное в его жизни: он заплакал.

Слезы полились из глаз, как у самого последнего труса.

Стас чувствовал, как озеро приближается к нему, как под футболку и в штанины джинсов проникает холодный влажный воздух, как гнилостное дыхание Рокота стягивает и выгибает мышцы.

Из последних сил он вывернул руку и схватился за футболку Бежова. В тот момент он хотел не просто ему отомстить, он хотел убить этого ублюдка, утопить вместе с собой.

— Кидайте! — скомандовал Егор.

Короткий полет — и одереvenевшее от страха тело Стаса рухнуло в воду. Всплеск заглушил его сдавленный вскрик.

Разум и мысли оцепенели, ноги свело мгновенно, грудь сдавило. Вода забурлила голосами, мужскими и женскими, звеняще-детскими и по-старчески скрипучими, смехом, воем, визгом, хрипом, стонами.

Голосами было наполнено все это дьявольское озеро. Чертов Рокот просто кипел.

Перед лицом Стаса в воде мелькнула синяя футболка Бежова, его серые спортивные штаны «Найк», стеклянные, широко распахнутые глаза и загорелые руки, а потом все вокруг стало алым, будто с берега выплеснули ведро красных чернил.

Стас дернулся, сделал панический импульсивный вдох — вместо воздуха в нос и рот хлынула жидкость. Горло охватило удушьем. Стас дернулся, как от удара, и замер, застыл в невесомости. Кислородное голодание ослабило, а потом и вовсе отключило сознание.

Очнулся он от того, что его голова тряслась, свесившись вниз, а кровь прилила к вискам с чудовищным давлением.

Он открыл глаза, закашлялся, захлебываясь водой, хлынувшей изо рта, носа и даже из ушей. Только через несколько секунд Стас осознал, что кто-то придерживает его за плечи и хлопает по спине, а макушкой он упирается во влажную травянистую землю при каждом приступе кашля.

Стас сжал пальцами склизкую траву, глубоко вдохнул и повалился на бок. Потом перевернулся на спину, вытянул ноги. Над ним, закрыв солнце, склонилась темноволосая девчонка в ярко-розовом купальнике.

— Где они? — Стас сглотнул, глухо кашлянул и прищурился от яркого света.

— Живой? — спросила девчонка. С ее лица еще не сошел испуг. — Мы уж думали, что все.

До Стаса дошло, что его спасительницами стали те три девчонки, неожиданно появившиеся на берегу.

— Мы видели, как они тебя в воду кинули. — К первой девочке присоединилась подруга, в зеленом купальнике. — Сначала подумали, вы прикалываетесь, потом Маринка заметила, что ты все никак не всплываешь. Мы побежали тебя вытаскивать, но те парни...

— ...те парни нас не подпускали, — дополнила первая (видимо, Маринка). — Если б не Тая... Она с другой стороны к тебе подплыла и закричала. Парни сразу смылись, и мы тебя вытащили. Извини, мы думали, не очнешься... так перепугались... Тая до сих пор плачет. У тебя ведь даже

губы посинели. Представляешь, как ей страшно было к трупку прикасаться? Ну ты понимаешь... она пыталась дыхание тебе делать... ну это... искусственное...

Стас перевел взгляд с одной спасительницы на другую.

— Мне показалось, — прохрипел он, — или вы извиняетесь за то, что мне жизнь спасли?

Первая девочка протянула ему руку.

— Да мы не спасали, мы же... ну... просто так...

Стас схватился за ее ладонь, сначала сел, а потом медленно поднялся на ноги. Тут же закашлялся, согнулся, упревая грязные ладони в колени. Голова до сих пор кружилась. Яркие отблески солнца на поверхности озера ослепили его, заставляя зажмуриться.

— Зачем они тебя так? — спросила вторая девчонка.

— Пошутили. — Стас отдышался, сплюнул и добавил: — Но я тоже шутить умею.

И тут тишину озера пререзал отчаянный визг.

— Тая! Тая! — заверещала первая спасительница, кинулась к подруге. Через пару секунд они завизжали хором.

Стас рванул к ним и увидел причину их истошного крика. В воде у берега, укрытый склонившимися ивовыми ветками, лежал Андрей Бежов. Одного взгляда хватило, чтобы понять: он мертв.

Через полчаса врачи «Скорой», прибывшие на место, установили, что смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, парень ударился виском о камень, и рана оказалась смертельной. Еще позже следователь снял со Стаса какие-либо подозрения и объявил о несчастном случае. Три юные свидетельницы помогли восстановить картину происшествия.

Об участии Егора Сенчина и двух его дружков полиция так и не узнала. Стас попросил девочек не выдавать их, наплел что-то про «они потом вас найдут». Он сам хотел свести счеты с братом, без помощи официального правосудия.

Ну, а Андрей Бежов...

Стас винил себя в его гибели, ведь именно он при падении зацепил футболку Бежова, потянул в воду, где тот напоролся на камень. Стас хотел убить его от страха, ненависти

и злости, хотел только в мыслях, без каких-либо намерений. А убил по-настоящему — и этого уже не исправить.

Узнав о несчастном случае, Марьяна долго не могла прийти в себя, а потом, через пару дней, вдруг обвинила Стаса:

— Ведь это ты, да? Возможно, случайно. Я никому не скажу, но признайся хотя бы мне. Я не верю, что Андрей решил на тебя напасть. Он всегда был спокойным и милым парнем, уж я-то его отлично знала. Андрей не мог причинить никому вреда, а вот ты... да еще эти три маленькие русалки... Они что, серьезно поверили, что тебя обидел Бежов, который даже ростом ниже чуть ли не вдвое? А может, ты их запугал?

Переубедить ее было невозможно.

Марьяна скорее наступила бы себе на горло, чем представила Стаса Платова в роли жертвы. После той трагедии она свела к нулю — нет, к минусу — их общение. Два последующих года учебы они делали вид, что не знакомы, а потом их дороги разошлись.

* * *

Стас посмотрел на часы. Почти шесть.

Если Марьяна не выйдет через двадцать минут, то он уйдет отсюда. И плевать, что из этого получится.

Будто услышав его обещание, тяжелая подъездная дверь распахнулась, и под нервный писк домофона появилась Марьяна. Свою бывшую одноклассницу Стас узнал сразу — почти не изменилась за те три года, что прошли с окончания школы.

Марьяна выскочила из подъезда и проскользнула мимо, даже не обратив внимания на парня, сидящего на скамье у дома. Что ж, вполне на нее похоже. Она ничего и никого не замечает, если не хочет, чтобы это существовало в ее жизни.

Замкнутость девушки чувствовалась на расстоянии: по торопливой походке, чуть сутулой спине и черному спортивному костюму без единой яркой вставки. Даже ее кудри, когда-то пышные и беспечные, теперь походили на приглаженные театральные волны.

Вот только, увидев их, Стас, и без того нервный, ощутил настоящую панику.

— Мари, — окликнул он девушку, вскакивая со скамьи. — Марьяна, — поправил он сам себя и поспешил вслед за ней.

Она услышала и, кажется, узнала его голос. Правда, не обернулась, а вздрогнула, съежилась и ускорила шаг, ускользая в арку между домами, — черт, она от него сбегала.

— Мари! — Эхо отскочило от стен бетонного свода и размножилось. Как же много вины и отчаяния Стас услышал в собственном голосе. — Мари, стой! Подожди!

Девушка остановилась.

Ее силуэт в тени арки превратился в литой черный столб, словно заострился и ошетинился. А потом Марьяна внезапно развернулась и пошла прямо на Стаса. Неотвратно ступая, как в кино надвигается вражеский танк. Стас готов был поспорить: под ее массивными черными кроссовками заискрило статическое электричество, подпитываемое ненавистью.

— Мари, привет... — Он смолк и попятился, уверенный, что столкновение их тел неизбежно.

Девушка продолжала наступать, вытесняя Стаса во двор, который они только что покинули. В ее глазах тлела ненависть.

— Не смей называть меня Мари, скотина, — процедила она. — Не смей являться сюда и разговаривать со мной. Если не хочешь проблем, проваливай.

Чего уж, прямолинейность и умение переходить сразу к сути всегда были неотъемлемой частью характера Марьяны Михайловой.

Девушка прибавила шагу, пока не оттеснила его к низкому металлическому забору, отделявшему детскую площадку от проезжей части двора.

— Послушай, Мари... Марьяна. Я без причины бы не стал тебя беспокоить.

Стас сжал прутья забора за спиной. Сжал так, что на руках чуть не полопались жилы. Он снова почувствовал себя

беспомощным, как будто смотрел не в глаза одноклассницы, а на то дьявольское озеро, в которое его когда-то кинули.

Марьяна остановилась за пару метров от Стаса. Ее грозные кроссовки, казалось, зарычали и оскалились, как два добермана, рвущиеся с цепей.

— А ты не боишься, что я вызову полицию и сдам тебя к чертям собачьим? Тебе не жаль своей мелкой жизни, Станислав Викторович?

«Станислав Викторович».

Неужели она еще помнит его отчество? Этот маленький нюанс породил надежду: возможно, есть шанс, что Марьяна не разобьет ему голову каким-нибудь тяжелым тупым предметом. Если она помнит его отчество, значит, не забыла и все остальное. По крайней мере, то, что Стас совершал не одни лишь плохие поступки.

— Только не надо мне угрожать. — На него нахлынула ярость. Он оттолкнулся от забора, сделал шаг навстречу разгневанной Марьяне и чуть спокойнее добавил: — У меня проблема.

— Проблема? У Стаса Платова бывают проблемы, которые он не может решить, не сломав кому-нибудь нос или еще похуже? — уточнила Марьяна звенящим ровным голосом.

Гнев и страх объединились на ее лице в одну определенную эмоцию — презрение.

— Мне помощь нужна... твоя, — выдавил Стас, силой заставляя себя говорить, а точнее, просить помощи. Он помолчал, ощущая, как неприятно трутся друг о друга зубы, и добавил: — Я ведь никогда не просил тебя о помощи, Мари. А теперь прошу.

— Не называй меня так! — Она тяжело задышала, оттянула воротник футболки, виднеющейся из-под спортивного костюма. — Как последняя мразь, ты приходишь ко мне и просишь помощи? Ты вообще слышишь, что несешь? А ничего, что из-за тебя погиб мой друг?

Стас подавил желание отвести взгляд от бледного, перекошенного злостью лица Марьяны.

— Бежов не был тебе настоящим другом.

— А кто был? Ты, что ли?

— Может, и я. — Стасу вдруг захотелось, чтобы его тут не было. Но он здесь был, и пришлось продолжать этот неприятный для всех разговор: — Бежов просто... погиб. Так вышло. Ты должна мне поверить.

В его словах лжи было не так уж и много.

— Я не должна тебе ничего. — Скулы Марьяны нервно дернулись, шея напряглась. — Проваливай, — бросила она и направилась в арку.

Ненавидя себя за то, что делает, Стас в два шага догнал девушку, схватил за запястье и развернул лицом к себе. Грубо, властно и отчаянно.

— Какое отношение к тебе имеет Полина Михайлова? — Стас посмотрел в стальные глаза Марьяны, пытаясь разглядеть в них хоть одну искру доверия. — Она дала твой адрес, написала его своей собственной рукой. Хочешь, покажу записку?

Девушка замерла. От охватившего ее ужаса она перестала даже дышать и только через несколько долгих секунд сумела произнести:

— Полина Михайлова — моя тетя. Она пропала тридцать лет назад и официально признана мертвой. Ни тебя, ни меня тогда даже на свете не было, и никаких записок она тебе написать не могла. Но если ты пришел поиздеваться и шокировать, то у тебя получилось. Доволен, скотина?..

ГЛАВА 4

ЕЕ НЕНАВИСТЬ

Когда Марьяна услышала его голос — низкий, с еле слышной хрипотцой и перебором ломаных гласных «а» и «о», — первая мысль пронзила сознание, как нож для колки льда: «Он снова пришел все разрушить».

Он снова пришел забрать у нее что-то важное и дорогое, причинить боль, много боли, он пришел унижить ее.

Ну а потом Марьяну бросило в пот, колени вздрогнули, горло напряглось, готовое издать такой крик ненависти, что взорвались бы фонари на столбах. Она бы кричала: «Сгинь, сволочь!» — сотни раз, пока не убила бы его своим криком. А потом смотрела бы, как он корчится у ее ног, беззащитный, как кровь сочится у него из глаз и ушей.

Вот как она его ненавидела.

Но больше всего она его боялась. Боялась его сильной энергии, боялась попасть под его влияние, боялась, что он сделает с ней то же, что и с Бежовым, и не понесет наказания.

За выдержку и твердость характера подруги с факультета журналистики называли Марьяну железной — они просто не знали, что ее железо гнулось от страха при одном упоминании имени Стаса Платова. Никогда в жизни, даже под дулом пистолета, она не показала бы своей слабости, но, услышав его голос, она испугалась.

Господи, как же она испугалась!

Мало того что Платов всегда был склонен к насилию, так Марьяну еще и угораздило когда-то с этим чудовищем дружить.

Пять лет назад, когда она училась в девятом классе, Марьяна и подумать не могла, что парень с настолько сомнительным амплуа и волчьими повадками, как Стас Платов, предложит ей встречаться.

Она бы и сейчас не смогла ответить ясно, почему согласилась.

Подпустить его слишком близко означало окружить себя минным полем, и Марьяна знала это с самого начала. Но для нее тогдашней, интеллигентной театралки, девочки с глубокомысленным взглядом и зудящим страхом не быть по достоинству оцененной, Платов грезился билетом в неизведанный мир темных улиц и сигаретного дыма, в мир настоящих крутых парней.

Отношения с ним послужили бы доказательством для друзей и недругов: Марьяна Михайлова может все, даже

привлечь и приструнить альфа-звереныша вроде Стаса Платова. И она сделала это.

Платов познакомил ее с ночным городом, будто открыл его заново. Он стал называть ее Мари, как француженку, делая акцент на втором слоге, растягивая дурацкое «и» так, что получалось не имя, а призыв. Она же звала его Станислав Викторович.

Все это пахивало авантюрой.

Решение Марьяны сблизиться с Платовым в глазах подруг выглядело безумием: кто добровольно рискнет встретиться с парнем, которого побаиваются даже взрослые? С жестоким засранцем, в качестве аргумента выбирающим провокацию, напор и нередко кулак. С человеком, балансирующим на той опасной грани, когда за собственные похождения светит наказание: административное, уголовное и даже божественное. По нему плакал ад, и представлять Платова своим кавалером могла только совершенно отчаянная девушка.

Марьяна такой не была.

Но тогда, когда он подошел к ней, смущенный, неловко переминаясь, ее сознание перевернулось. Куда в тот момент подевалось ее хваленое благоразумие?

Платов, бесспорно, умел играть на слабостях и тайных мечтах, умел притворяться. Он заставил Марьяну с собой встречаться, запудрил мозги (к определению того, что он сделал с ее мозгами, цензурных аналогов она не нашла).

Стас навязался ей, а Марьяна что?

Не смогла отвести от него глаз, хотя не считала Платова красавчиком.

Голова с копной волнистых светлых волос казалась слишком большой по отношению к тщедушному тонкокостному телу. Субтильный и нахальный, он был похож на злобного гнома, изгнанного из подземелий за дрянное поведение. Да еще и эта никудышная прическа, напоминающая стружки, сметенные в кучу пьяным дворником.

Сейчас, глядя на бывшего одноклассника, Марьяна видела в нем другого человека. Внешне другого.

Он вытянулся, стал шире в плечах, потерял угловатость, сменил ту жуткую прическу на короткую стрижку бокс. Его волосы выгорели, приобрели выраженный светло-русый, почти льняной цвет. Одежда, правда, была чуть мятой, будто он уснул в том, что на нем было — джинсах, рубашке и пиджаке, — а потом подскочил и пошел на улицу.

Несмотря на раскрасневшееся от жары лицо, он не выглядел напряженно-злым, как прежде, или жалким, как хотелось бы. Он выглядел спокойным и уверенным, будто знал свое будущее наперед.

Но это было неважно: и тогда, и сейчас Стас Платов оставался бездушной скотиной. Как серый кардинал, он пользовался человеческими ресурсами лишь в целях, понятных ему одному.

Когда-то он использовал и ее.

Это случилось в один из первых дней летних каникул, они только окончили девятый класс. У кинотеатра «Кино-Остров» Стас неожиданно притянул Марьяну к себе и прижался губами к ее губам.

Платов не говорил речей, не признавался в любви, не вздыхал и не краснел — ничего не предвещало внезапности его поведения. Наверное, поэтому Марьяна не успела среагировать и выбрать одну из двух крайностей: либо отпихнуть его от себя и уйти, либо обнять за шею, сладко ответив на поцелуй. Ей было пятнадцать, и она замерла, как испуганный зверек, натолкнувшийся на хищника, ну а он... он посмотрел на нее с жалостью.

Марьяна мечтала, что их первый поцелуй будет особенным, в тишине ночи при лунном свете, вокруг зацветут деревья, и зашелестит фонтан центрального парка. Но Платов все испортил.

Кто его просил вот так к ней присасываться — неожиданно и грубо? Он будто отхлебнул из бутылки с дешевым пивом, а не пригубил дорогого вина.

Да, вернувшись домой, Марьяна гладила губы пальцами и прикрывала глаза, вспоминая поцелуй этой сволочи. Ей понадобилось несколько дней, чтобы наконец принять

правду: там, у кинотеатра «Кино-Остров», Платов просто использовал ее, чтобы выиграть спор у двоюродного брата Егора (Егор потом ей сам в этом признался).

Это был первый звоночек.

Уже тогда Марьяне стоило отправить Платова и его игры подальше. Но она надеялась, что поцелуй на спор был не просто так, что, как в кино, он перерастет во что-то большее, во второй, более нежный и прекрасный, поцелуй.

Так и вышло, но не совсем... так.

Через две недели Платов пригласил ее в гости. И Марьяна, и Стас прекрасно понимали, что «в гости» — новый уровень отношений, иное название сближения и флирта. Вот только Марьяне хватало флирта, а Стасу хотелось большего.

Стоило им остаться наедине, как Платов тут же сжал ее в объятиях.

— Ты такая красивая, Мари, — произнес он, впечатывая ее в запертую дверь. — И твои волосы...

Его дыхание стало не просто горячим, он выдохнул на Марьяну весь свой внутренний огонь.

— Стас, Стас, погоди, — только и успела сказать она, после чего он закрыл ей рот грубым, далеким от деликатности поцелуем.

Она безуспешно пыталась его оттолкнуть.

С виду тщедушный и хрупкий, Платов навалился на нее, будто разом вырос и окреп. Таким она его никогда не видела: настойчивым и несдержанным.

Тяжесть его тела, навязчивая теснота, напряжение мышц — все это вызвало лишь испуг. Точно такой же испуг, до онемения, до ступора, как тогда... давно, в далеком детстве, на свой шестой день рождения.

Это случилось на детском празднике, который родители устроили для Марьяны и ее друзей на даче.

Тогда она впервые увидела Оборотня. Человека со свиной головой и в коричневом плюшевом комбинезоне.

Она заметила его случайно, поднявшись на второй этаж, чтобы унести в свою комнату Абигейл, куклу, что

ей подарили. Проходя мимо гостевой комнаты, она услышала, как кто-то пыхтит: *«Маленькая дрянь, малолетняя грязная дрянь, паршивая илюшка, дрянь, дрянь... я покажу тебе, кто тут главный... я никому не позволю над собой смеяться... никому, никому...»*

Оборотень со свиной головой. Он прижимал кого-то к полу и все время повторял:

— Малолетняя дрянь, грязная, похотливая малолетняя дрянь.

Он издавал что-то вроде захлебывающегося рыка-визга, похрюкивал, его глаза блестели. Он нависал над своей жертвой, душил ее пальцами, а она хрипела, всхлипывая, глотая слезы: *«Пожалуйста, не надо. Я не хочу... не надо... пожалуйста, не надо больше... пожалуйста, отпустите. Мне больно. Я никому не скажу, только отпустите...»*

Тогда, будучи ребенком, Марьяна не поняла, что делал Оборотень со своей жертвой. Понимала только, что это что-то страшное, недопустимое, нечеловеческое.

Марьяна не разглядела ее лица и не узнала голоса, ведь жертва не говорила, а хрипела. А Оборотень все больше подминал ее под себя.

Марьяна до сих пор помнила его страшный взгляд, когда он заметил ее, в ужасе замершую в дверном проеме.

Свиная голова повернулась в ее сторону. Оборотень зарычал и кинулся на нее. Прижал к дверному косяку и зашептал в лицо, сдавив шею горячими влажными пальцами:

— Ну что, дрянь? Хочешь, чтобы я сделал это и с тобой? Я знаю... о-о, уж я-то знаю, что ты пришла не просто так... дай мне тебя потрогать, деточка... скорее...

Марьяна уже ничего не осознавала.

Перед глазами возникли желтоватые свиные глаза — и она начала задыхаться, заходясь икотой. И этот запах... запах Оборотня, этот мерзкий кисло-сладкий запах, она запомнила на всю жизнь. От него пахло кошачьей мочой и попкорном.

И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы из гостиной на первом этаже Марьяну не позвал отец. Оборото-

тень мгновенно оставил ее, онемевшую от шока и страха, выбил окно ногой и исчез в темноте.

На полу осталось лежать бездыханное тело его жертвы в разодранном розовом платье принцессы. Через несколько долгих секунд Марьяна узнала в ней приглашенную на день рождения девочку из детского сада, Лиду Ларионову.

Она не успела помочь Лиде.

Прибежавший на шум отец сгреб Марьяну в охапку, прижал лицом к груди и быстро унес вниз.

Он все повторял:

— Не смотри, не смотри туда. Ты не должна туда смотреть.

Оставшийся вечер и последующие недели она и правда помнила плохо. Ее водили куда-то, спрашивали о том, что она видела. И все это время отец то шептался с матерью, то кричал на нее, думая, что Марьяна не слышит: «Зачем ты его позвала? Какого хрена ты позвала этого аниматора?!»

Больше на той даче они не бывали. Лиду Ларионову Марьяна тоже никогда не видела. Да и отец строго запретил разговаривать о ней и том дне.

И тут вдруг Стас...

Стас собирался сделать то же самое. Сделать *это* с ней.

Его глаза блестели точно так же, как у Оборотня, его руки будто удлинлись, а дыхание превратилось в пыхтение. От него даже запахло точно так же: кошачьей мочой и сладкой запеченной кукурузой.

Марьяна мысленно уговаривала себя, что это не Оборотень из ее кошмаров, что это Стас Платов. Всего лишь мальчик, который может остановить свое страшное переживание, стоит только попросить его об этом.

Но... он не останавливался.

Стас покрывал лицо и шею Марьяны беспорядочными поцелуями, его ладони скользили под ее кофтой не с трепетом, а с жадностью, слишком опытные и уверенные для пятнадцатилетнего подростка.

И вот тогда-то до нее наконец дошло, что Платов далеко не безобиден — он опасен, он подтвердил свою дурную

репутацию. Он точно такой же, как ее детский кошмар, ее личный монстр из гостевой комнаты, как Оборотень.

— Я не хочу, не хочу... Стас... не надо, пожалуйста... — прохныкала Марьяна. Но Платов не отставал, и тогда страх вырвался наружу отчаянным криком: — Не надо! Отпусти! Отвали от меня! Мне больно!

Она впилась ногтями в его локоть, расцарапав кожу до крови, и расплакалась.

Платов замер, отпрянул и побледнел, будто сам себя испугался.

Он не обратил внимания на царапины. В его глазах появились ужас и раскаяние, а потом, когда его дыхание восстановилось, он долго извинялся. Тер лоб и бормотал: «Какой же я придурок. Прости, Мари, это не повторится».

Это и правда не повторилось, потому что Марьяна оборвала их отношения.

Она испытала столь сильный страх, что даже через два часа после того, как, не оглядываясь, выбежала из квартиры Платова, не могла произнести ни слова. А Оборотень, пыхтящий, с блестящими желтыми глазами, стал сниться ей чаще, почти каждую ночь.

Он приходил к ней до сих пор, стоял у кровати, как только Марьяна закрывала глаза.

«Не смотри, не смотри туда, — мысленно умоляла она себя. — Ты не должна туда смотреть».

Но даже во сне она чувствовала на себе его тяжелый звериный взгляд, ловила запах попкорна. Справиться с паническими атаками и уснуть ей помогли четыре бокала вина — ее ежевечерняя доза снотворного.

Ровно четыре.

Каждый вечер.

И как бы она себя ни уговаривала, что глупо бояться маньяка из прошлого, как бы ни пыталась забыть тот неприятный случай с Платовым, страх перед чужой силой и тем, что эта сила в любую секунду может сделать ее беззащитной, причинить физическую боль, унижить и даже убить, укоренился в душе Марьяны и не лучшим образом

повлиял на более поздние ее отношения, уже с другими молодыми людьми.

Теперь она видела в них угрозу, особенно в тех, кто хоть мимолетно напоминал ей Стаса.

Ну а через несколько дней после того инцидента случилась трагедия с Андреем Бежовым, единственным благородным человеком в ее окружении.

Платов уверял, что гибель Андрея — случайность. Порой Марьяна и сама сомневалась в его вине, но не в его репутации: предыдущий опыт общения с ним показал, что доверять ему не стоит. И ненависть к нему раз за разом возвращалась, как волна цунами после земной встряски.

Сейчас Марьяна слушала хриплый голос Платова, смотрела в его растревоженные глаза, и воспоминания о пережитом страхе, об их гнилом школьном романе и о том, что эта сволочь сделала с Бежовым, пронеслись в одну секунду и вспыхнули новым пламенем неприязни.

А теперь Платов пришел, чтобы посмеяться над ней. Напомнить: он в любую минуту может ее растоптать, потому что сильнее, бессовестнее, наглее и злее. Потому что он — все тот же похотливый и жестокий ублюдок, даже хуже, чем раньше, что он переродился и окончательно потерял те крохи хорошего, которые в нем были.

Ни к одному человеку Марьяна не испытывала столь испепеляющей душу ненависти.

* * *

Она нашла силы ему ответить:

— Полина Михайлова — моя тетья. Она пропала тридцать лет назад и официально признана мертвой. Ни тебя, ни меня тогда даже на свете не было, и никаких записок она тебе написать не могла. Но если ты пришел поиздеваться и шокировать, то у тебя получилось. Доволен, скотина?

От неожиданности у нее отказала защитная реакция — немедленно убрать руку Платова. Он продолжал держать ее запястье горячими сухими пальцами.